

Мистификация парадоксальных иллюзий

Вера Капьянидзе

18+

Вера Капьянидзе Мистификация парадоксальных иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30273056

SelfPub; 2024

Аннотация

Взрослея, мы забываем детские увлечения сказками, смеемся над нашей наивной верой в чудеса. Но, оказывается, они живут в нас, подспудно взрослея вместе с нами, деформируются, иногда приобретая совершенно причудливые формы.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Вера Капьянидзе

Мистификация

парадоксальных иллюзий

Глава 1

ПОМОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

В этом году нам повезло: отцы-командиры сумели раздобыть топливо, и мы не простояли, как обычно, всю практику у причала, а 13 июня потихонечку пошли по морям по волнам. Шли и шли себе целый месяц, изредка заправляясь провиантом и горючим с наших плавбаз, и пришли, наконец, в Средиземное море! Благополучно миновав остров Крит и издали полюбовавшись его красотами, мы уже направлялись к острову Сардиния, чтобы полюбоваться и его красотами издалека, и повернуть домой. Вот тут-то все и началось...

Нас, курсантов Военно-морского института, поселили, как и полагается, на третьей палубе, на носу. Дальше наших кубриков – один только камбуз. Все бы хорошо, но курить можно было только на юте, то есть, на корме. С носа на ют нам приходилось ходить кругами, так как по четвертой па-

лубе, где был прямой выход на корму, могли ходить только офицеры и мичмана. Идти из-за одной сигаретки в обход, естественно, ни один дурак не захочет, поэтому мы все старательно щемились за бочками, ящиками, лишь бы не попасться на глаза родным отцам-командирам, или, что еще страшнее – руководителю практики. Он откровенно не испытывал любви к нам, и во всех смертных грехах у него были повинны курсанты-разгильдяи. Даже, когда перед самым выходом из российских территориальных вод, на приехавшего с проверкой вице-адмирала нагадила чайка, наш руководитель клятвенно заверял его, что это курсанты специально подговорили ее, дабы опорочить его в глазах начальства. После этого инцидента нам каждый день вменялось в обязанность гонять этих гадостных птиц, дабы не портили фуражки старшим офицерам.

Вот и сегодня после физической зарядки, перед завтраком, нас в полном составе отправили на палубу ловить и гонять бакланов. Мы старательно ползали по всему кораблю, пытаясь приманить этих коварных засранцев остатками от вчерашнего ужина, но у нас ничего не получалось. Видно, шарики у этих бакланов работали не хуже нашего. Так и не сумев поймать ни одной птички, мы, устав от трудов наших праведных, встали за первую попавшуюся бочку, перекурить это дело.

Не успели мы затянуться, как тут же услышали такой отборнейший мат, да с такими витиеватыми определениями в

наш адрес, какого я еще никогда в жизни не слышал, и вряд ли теперь уже услышу. Весь нюанс был в том, что мы примостились за бочкой с мазутом, чего, естественно, делать ни в коем случае нельзя. В ответ мы живенько побросали окурки, и дружно топающей толпой побежали шхериться в кубрик. Не знаю, как другие, но я, лично, до кубрика добежать не успел, так как с бегом у меня всегда была напряженка. Зато я, наверное, лучше других услышал два грохнувших взрыва у себя за спиной...

В унисон этим взрывам меня подбросило вверх на высоту двухэтажного дома, не меньше, потому что, опадая вниз осенним листочком, я успел полюбоваться на четвертую палубу с высоты птичьего полета. А когда парил над своей родной – третьей, увидел наш горящий кубрик и чьи-то обгоревшие ноги, торчащие из иллюминатора. По 46 размеру я догадался, что это был мой закадычный дружок Баден. Спасательные шлюпки разорвало взрывами, и сейчас, обломки от них как в замедленном кино оседали на палубу синхронно со мной.

То ли маслопупы¹ заглушили машины для перестраховки, то ли они сами аварийно заглохли, но наш «Перекоп», взбрыкнул, как норовистый жеребец, и встал как вкопанный. А над палубой стаями закружились зловещие бакланы, предвкушая легкую добычу. Какие у них кровожадные глаза!

На глазок мне уже оставалось всего несколько секунд, что-

---

¹ Маслопупы – механики.

бы приземлиться на такой родной, хоть и искореженной, третьей палубе. Я даже сгруппировался, чтобы по возможности мягче грохнуться на нее, но тут раздался еще один взрыв, третий и самый мощный!!!

Наверное, эта бочка была заполнена полнее. Ударной волной меня отнесло далеко от «Перекопа» и плюхнуло прямо в воду. Плюхнуло, надо сказать, не очень удачно: от удара спиной об водную гладь я не знаю, на сколько времени потерял сознание. А когда пришел в себя, мои многотрадальные прогары², каждый из которых весит около 1,5 кг, ядром, прикованным к ногам смертника, старательно затягивали меня в морские глубины. Как я ни бился, чтобы стянуть их с ног, у меня ничего не получалось – слишком старательно завязал шнурки.

И вот уже я лечу в пучине вод, а в моих контуженных ушах почему-то гремит музыка. Какая музыка?! Это, скорее всего, фанфары, под которые я загремел. И под это музыкальное сопровождение идут, как в кино, мои, как я понимаю, предсмертные воспоминания: Юлька на выпускном... Ох, уж эта Юлька! Надо ей было два года водить меня на коротком поводке: далеко не убежишь, а на руки не берет, чтобы в самый последний вечер в школе, когда у меня на руках уже было предписание явиться в институт и билет на поезд, признаться мне в любви. Эх, Юлька, Юлька! Если бы ты мне все это раньше сказала! Не летел бы я сейчас неизвестно куда, а пре-

---

² Прогары – кирзовые ботинки.

спокойно учился бы с тобой в нашем областном пединституте, ездили бы мы вместе на занятия и домой...

А вот и папа с мамой, опухшей от слез. С первого дня моего рождения мама, напуганная армейской дедовщиной, семнадцать лет усиленно искала ходы и выходы, как отколоть меня от армии. И когда у нее что-то там уже начало наклеветываться, я послал свои документы в Военный институт. Да не просто в Военный, а в Военно-морской, да еще и на подводника. Так что плакать ей было с чего, все ее мечты о моем филологическом образовании летели в тартарары, как я сейчас ...

Стоп! Если это предсмертные минуты, то почему мне вспоминается только выпускной? Я где-то читал, что у человека перед смертью вся его жизнь от самого рождения до самого последнего мгновения проплывает в памяти, как в кино. А у меня пока – одна только Юлька маячит на горизонте, да еще мама с папой... Но додумать эту мысль я толком не успел, так как в это время плавно приземлился, нет, скорее приводнился, на что-то не слишком мягкое.

Боли никакой я не чувствовал, дискомфорт, правда, небольшой был оттого, что моя пятая точка упиралась во что-то весьма жесткое, но это все терпимо. Самое главное, что меня утешало в этой ситуации, что я этот дискомфорт еще ощущал. Музыка как-то незаметно смолкла и сменилась полнейшей тишиной. Я приоткрыл глаза...

Прямо по курсу на меня, как сказали бы французы – ви-

зави, глаз в глаз с нескрываемым любопытством пялилась лошадь и скалила свои жуткие зубы то ли в приветственной улыбке, то ли в предвкушении добычи. «Ну, все, вот и конец приходит, – подумал я, – пошли вспоминая детства».

Когда я был маленький, на нашей улице жили цыгане, и они, как и подобает настоящим цыганам, завели себе лошадь, которую выпускали гулять на улицу. Правда, по-моему, это была не лошадь, а какой-то монстр: смесь тяжеловоза с пони: башка и круп нормальной лошади, а ножки – кривые и маленькие достались от пони. При таком внешнем уродстве, она к тому же была злобной и кусачей. Вероятно, из-за комплекса своей неполноценности. Так вот, эта самая лошадка смотрела сейчас прямо на меня и скалила зубы, явно норовя укусить. Я взбрыкнул ногой, метясь ей прямо в морду, и по всей вероятности, куда-то попал, хотя, если честно, не почувствовал этого момента. Зато лошадиная морда тут же исчезла из поля моего зрения... Нет, это уже явно не предсмертное воспоминание. Я не помню, чтобы со мной такое происходило, а на память, я не могу пожаловаться. Это, можно сказать, единственный Божий дар, доставшийся мне. Как она неслась за мной, и как я на крыльях перелетел через забор, спасаясь от ее зубов, это я прекрасно помню, но чтобы она видела меня поверженным – этого не было никогда, могу поклясться чем угодно! Так что же все-таки со мной происходит, и где я вообще нахожусь: на том или на этом свете? Ничего не понимаю...

Я сел и огляделся. Архангелов, встречающих меня, так же, как и райских врат нет и в помине. Это уже утешает. Выходит, я пока живой. Я старательно ощупал себя: ни переломов, ни ран, на болевые ощущения, типа щипков, реакция вполне адекватная... Но... Вокруг меня, сколько хватало глаз, простиралась вода.! И рыбки красненькие, желтенькие, синие, полосатые, в горошек, короче, всяких невообразимых расцветок, разных калибров, и пород снуют туда-сюда небольшими косячками и поодиночке, тычась прямо в меня. Проплывают гребешки, шлепая створками, по дну ползают крабы, водоросли свисают лианами в прозрачной, почти невидимой воде... А вокруг – морские звезды самых разных цветов и оттенков, кораллы кустятся целыми плантациями... Красотища невообразимая!.. Совсем как в фильмах BBC о живой природе. Вообще-то, мне показалось, что это место походит на рай. Только вместо райских кущей почему-то все больше водоросли, а вместо птичек – морская живность. И такая благодатная тишина над всей этой невообразимой красотой... Наверное, я, как курсант военно-морского института, попал в морской рай. А вот и уже знакомая мне лошадка: маленький и гордый, словно сошедший с восточных фресок золотой морской конек с гнутой шейкой, зацепился своим крошечным хвостиком, как крючком, за водоросль и смотрит на меня, как на явление Христа народу. И вот этот мизер-пупер и показался мне цыганской лошастью?! Да, вот уж истинно, у страха глаза велики! Или я смотрел на него сквозь

каплю воды, заменившую оптическую линзу, зависшую на ресницах? Хотя какая может быть капля на дне морском? Да, это скорее всего получился эффект лупы. Так, ладно с коньком более-менее разобрался. Теперь надо определиться, куда же я все-таки попал. Мама, родная, где я? Если на дне Средиземноморском, то почему я до сих пор не утопленник и еще в состоянии даже что-то мыслить? Ни-че-го не понимаю, если честно сказать... Я поерзал, пристраиваясь удобнее...

– Он еще и прыгает! Да слезешь ты, наконец, или нет? – вдруг раздался чей-то раздраженный голос и вверх, прямо из-под меня забулькали пузырьки воздуха.

От неожиданности я всем телом устремился вверх и плавно приземлился обратно, слегка отбив при этом то место, на которое упал, то есть, на котором сидел. Ну, в общем, вы, надеюсь, поняли, о чем идет речь.

– Кто тут? – пытался я спросить, но вместо слов из моего рта вместе с пузырьками воздуха вырвалось какое-то нечленораздельное бульканье. Тем не менее, этот кто-то, по-видимому, все же понял меня, потому что недовольно проорал:

– Кто, кто? Конь в пальто! Спину всю отбил, оглоед несчастный! Да слезешь ты, наконец, или нет?!

Я посмотрел вниз. О Боже! Я восседал на огромной черепахе! Увидев эту махину... Махину, потому что больше тех черепашек, что продают в зоомагазинах, я в своей жизни не видел, не считая, конечно, зоопарка, но там, за стеклом

они мне почему-то казались нереальными, тем более что никогда не подавали никаких признаков жизни. Просто валялись, как муляжи. Эта же, на которую мне посчастливилось приводниться или причерепашиться, была размером с хорошее кресло, с одной только разницей – сидеть на ней было неудобно и жестко.

– Ой, простите, пожалуйста, я не хотел,.. я не виноват,.. – нечленораздельно забулькал я.

– «Простите, простите». У меня что, спина железная, что ли? – пробурчала, пуская пузырьки, черепаха.

Вы когда-нибудь пытались говорить под водой? Нет? Попробуйте, интереснейшее занятие! Я не думаю, что вы поймете сами себя, не говоря уже о тех, кому эта речь предназначена. Но здесь, на морском дне, удивительное дело, несмотря на ее постоянные «Буль-Буль-Буль» вместо слов, я прекрасно понимал, что говорила черепаха. Но еще удивительнее было то, что я свободно дышал, правда, в носу что-то свербило, такое чувство, что постоянно очень хотелось чихнуть, но чих все никак не подступал.

– Простите меня, Бога ради, за любопытство, но не подскажите ли, где мы с вами находимся? – пробулькал я как можно вежливее, сползая с говорящей черепахи.

– Где, где, в Караганде!

– Не понял?! – удивился я. – В раю тоже Караганда есть?

– Какой такой рай? – в свою очередь вытаращила свои маленькие глазки на меня черепаха. – Не знаю я никакого рая!

– Но мы же с вами в раю находимся? – уточнил я, старательно булькая.

– Что такое рай?! – чуть не заорала на меня черепаха, видимо рассерженная обоюдным непониманием.

– Рай... – замялся я, не зная, как бы это поточнее объяснить, – это такое место на небесах, куда после смерти попадают некоторые люди... за особые, так сказать, заслуги...

– А за какие именно? – заинтересовалась говорящая, (или булькающая?) черепаха.

– Ну,.. я точно не знаю. Как бы Вам сказать... Ну,.. что-то вроде того: надо взрослых слушаться, зубы чистить каждый день,.. а вот еще, забыл совсем, самое главное – приказы командованья не обсуждать.

– Да, – загрустила черепаха, – я туда точно не попаду.

– Почему? – поинтересовался я. – С командованьем любите спорить?

– Нет, зубы ни разу в жизни не чистила!

Это меня почему-то приободрило. Раз черепаха так уверена, что не попадет в рай, значит, я пока еще точно не на том свете. Но на всякий случай, я все же решил лишний раз убедиться в этом:

– Получается, что мы с вами находимся не в раю? Тогда где же?

– Нет, конечно, не в раю мы находимся. – Заверила меня черепаха. – Все намного проще. На дне Средиземного моря мы с вами находимся.

Безумного страха и ледящего душу ужаса от ее слов я почему-то не испытал. Как-то уже сам стал об этом догадываться. Но общее нервное напряжение все-таки почувствовалось.

– То есть? – опешил я. – Почему же, в таком случае, я спокойно дышу, да еще и с вами разговариваю? По всем законам я уже должен быть утопленником.

– Должен, – охотно согласилась черепаха, – но не стал. Ты попал прямиком в Нептуново государство. Садко наш тебя спас.

– Кто такой Садко? И как он меня спас? Нельзя ли поподробнее, – попросил я.

– Объясняю. Садко – это глава администрации Нептуна. А как он тебя спас, это уж он тебе пусть сам объясняет. Глянь, вон, несется, как оглашенный. Наверное, уже доложил Нептуну, сердечный, порадовал Государя, что в его полку прибыло.

– Господи! Да куда же я попал?! – невольно вырвалось у меня.

Но Бог то ли не расслышал меня из-за толщи воды, то ли очень занят был своими делами, то ли просто махнул на меня рукой: «Разбирайся, мол, сам»...

* * *

Я, честно говоря, мало что уразумел из того, что набулькала черепаха, но особенно разбираться не стал, потому что в это самое время из темных морских пучин ко мне подплы-

вал человек. «Наверное, МЧСник, – обрадовано подумал я. – Ищут!!! Люди! Родные мои!». Но почему-то МЧСник был без акваланга. На спине у него вместо акваланга болталась какая-то байда, напоминавшая балалайку и мандолину одновременно, но с более длинным грифом. Короче говоря, какой-то струнный музыкальный инструмент. И был этот самый МЧСник, как и пострадавший, то есть я, без маски, без ласт, и даже не в костюме аквалангиста, а только обмотанный в районе поясницы водорослями, что, видимо, должно было имитировать плавки. Его длинные черные волнистые волосы красиво развевались в воде в такт его плавным движениям. Одно удовольствие было смотреть на его почти рыбье скольжение. Излишне смуглое, словно только что с Сочинских пляжей, мускулистое тело явно выдавало в нем восточную кровь. Ему немного недоставало роста, а в остальном – просто эталон мужской красоты. Наверняка, бодибилдингом балуется. «Прямо настоящий Тарзан! Не то, что я: длинный, тощий и нескладный», – залюбовался я им.

– Привет! – обрадовано пробурлькала МЧСник, приближаясь, и сразу же бросился обнимать меня, как брата родного. Я, честно говоря, думал, что он с ходу начнет меня отчитывать, что вот только такие разгильдяи, как я и попадают в подобные ситуации, а нормальным людям, то есть МЧСникам, из-за нас никакого покоя нет...

– Привет! – промямлил я, очень удивленный такой бурной радостью по поводу нашей встречи. – Простите, а вы разве

не из МЧС?

– Какой МЧС? Не знаю я никакой МЧС. Саидка я! Саидка!

– Садко?– не расслышал я.

– Слушай, и ты туда же, да? – обиделся пловец, – Са-и-д-ка я, а не Садко. Что вы все, помешались на этом Садко?

– А кто вы такой, Сад.., тьфу ты, Саидка, вообще? Откуда ты взялся, если не из МЧС?

Выглядел он не намного старше меня, на вид ему было года двадцать три, никак не больше, и потому я со спокойной совестью перешел на «ты». Тем более что и он мне сразу начал довольно фамильярно «тыкать».

– Я – Саид Фаррух Абдалла-паши, или попросту Саидка, значит. Являюсь Главой администрации самого Нептуна! И от руководства Подводного государства, в моем лице, мы рады приветствовать тебя на нашей земле, тьфу ты, на нашей воде. Вот так! – гордо и старательно произнес он, встав при этом в позу памятника Ленину на главной площади какого-нибудь областного города. – Слушай, а что такое М-Ч-С? – старательно выговаривая буквы, поинтересовался он.

– Министерство по чрезвычайным ситуациям.

По лицу Саидки-Садко было понятно, что он ничегошеньки не понял из моего объяснения.

– Министерство – понял. А это, как его, черз, через .., ну что там дальше – это что такое?

– Чрезвычайные ситуации? Это – разные наводнения, по-

жары, катастрофы, землетрясения, катаклизмы. Ну, в общем страсть-мордасть всякая, и с ними это самое министерство борется, спасая людей.

– Понял! Надо будет Нептуну предложить у нас тоже такое Министерство образовать, а то все кому не лень наших глушат, отходами травят, то еще нефть прольют, совсем жизнь никакого не стало, всю экологию загадили.

Увидев черепаху, с раскрытым ртом слушающую наш разговор, Саидка шикнул на нее:

– А ты чего тут уши сушишь, старая калоша? Делать тебе больше нечего? А ну, марш отсюда! У нас, понимаешь ли, секреты государственной важности, а она тут рот раззявила! Будет теперь по всему морю трезвонить.

Черепаха медленно развернулась и царственно поплыла прочь, буркнув на прощание «Подумаешь! Секреты у них! Нашли шпионку! Да тут завтра и без меня тебе каждая рыбка все твои секреты расскажет».

– Чего это ты на нее? – посочувствовал я старой черепахе.

– Да ну их всех! – с досадой махнул рукой Саидка. – Пу-таются под ногами, сплетни разводят.

– Кто? – не понял я. – Черепахи?

– Да все, кому не лень! Вон их вокруг сколько плавают. Только и знают, что наушничать...

– Ты про кого это?

– Да рыбы, крабы, моллюски, все...

– Ха-ха-ха! – не выдержал я. – Ты чего, с дуба рухнул?

Рыбы разговаривают?! Да они же молчат, как... Ну, да, как рыбы.

– Чего гогочешь? – обиделся Саидка. – Я что, по-твоему, совсем глупый, что ли? Ты лучше послушай, послушай!

Я прислушался. И, действительно, то, что я с самого начала моего пребывания под водой принял за тихий шорох перекатывающейся воды и шелест трущихся друг о дружку водорослей, на деле оказалось непрерывным болтанием мелких рыбешек, рачков, крабов, моллюсков... Одним словом, тут говорило на человеческом языке все, что двигалось. Только очень-очень тихо. То есть, соразмерно их габаритам: чем меньше была рыбешка, тем тише она шелестела, словно просто шуршала своими чешуйками. Но если хорошенько прислушаться, то среди общего, едва слышимого рыбьего галдежа, можно было различить и отдельные слова и фразы. И сейчас я, изрядно напрягая слух, слышал со всех сторон:

– Человек! Человек!..

– Настоящий!..

– Черноморец!..

Ничего себе! Они даже в наших флотах разбираются?! Только вот, интересно, с чего они взяли, что я – черноморец? Вообще-то на мне никаких отличительных знаков не было. Я был в пилотке, а на ней, как известно, ничего не пишется. Да и на бескозырке у меня пока что только название института было написано, а не флот. Так что ошиблись, вы, рыбки мои. Не черноморец я пока еще. И даже не балтиец, а просто

курсант.

Напрягаться, чтобы послушать рыбок было тяжело, все равно, что на втором этаже прислушиваться к далекому шуршанию мышей в погребе, и я махнул на это занятие рукой.

– Ну, давай, давай, – заторопил меня Саидка. – Я тут подсуетился насчет аудиенции, Нептун нас сейчас же и примет.

– Подожди, Садко...

– Саидка, – хмуро поправил меня глава администрации.

– Саидка, – согласился я. – Объясни ты мне, почему же тут рыбы разговаривают? Почему я дышу в воде? Что здесь вообще происходит? Это все мне снится, или я уже на том свете?

– Ладно, объясню, но только коротко, а то Нептун уже ждет нас. Не любит, старый, когда заставляют его ждать. Короче, в настоящее время ты находишься, как я уже сказал, в Подводном государстве. А если быть точнее – в Средиземноморской резиденции Нептуна. А у нас здесь, все, как в сказке...

– Чем дальше, тем страшнее, что ли? – не утерпел я.

– Ну, не совсем так. – Уклончиво ответил Саидка. – Правит нашим государством сам Нептун – Владыка морской... В общем, что тут много рассказывать, поживешь, сам все увидишь. А черепаха эта – старая склеротичка Тротила. – Небрежно махнул он рукой.

– Тортила? – догадался я. – Как в «Буратино» что ли?

– Не как, а она самая и есть.

– Правда, сказка какая-то! И что же она, в таком случае, в вашем Подводном государстве делает?

– Да, понимаешь, у нее жизненные обстоятельства так сложились... Короче говоря, она должна была ключик этому самому Буратино отдать, а ее там вроде бы кто-то спугнул, что ли. Она рассказывала, но я точно не помню. Вот, она ключик этот и спрятала в море. Да так хорошо упрятала, что уже почти сто лет найти сама не может. Вот и ползает тут, все вспоминает, куда его положила...

– Так, ладно. С черепахой, можно сказать, я более-менее разобрался, хотя... Все-таки объясни мне, если я нахожусь под водой, то почему же я до сих пор не утоп, а дышу, так же, как и на земле? По всем законам я уже давно должен был концы отдать. Я уже... – я взглянул на часы. Часы у меня были классные «Командирские», морской вариант, водонепроницаемые, антиударные, с календарем. Мне их подарили родители на присягу, и с тех пор они еще ни разу меня не подвели, даже когда я однажды помылся с ними в бане. Но сейчас с ними происходило что-то удивительное: секундная стрелка не двигалась, хотя часы продолжали тикать. Эх, жаль, что я свой сотовый оставил в кубрике – на подзарядке валяется. Впрочем, о чем это я? Какой здесь может быть сотовый? Он бы мне вряд ли чем помог.

– А это мое изобретение, – похвалился Саидка. – Я ведь, как и ты, тоже когда-то был моряком. Правда, рыбаком, а не военным, как ты. И жил я в Турции. Наш баркас затонул на

мелководье – на рифы налетел. Ну и вот, лежу я, значит, на дне морском и думаю, все, крышка тебе Саидка, пришла. А под носом у меня водоросли какие-то шевелятся и пузырьки воздуха из них поднимаются. Я сорвал их, да в нос и запихнул себе, чтобы носом не дышать подольше, а из них чистый кислород идет... Вот я с тех пор турунды из этих водорослей постоянно и запихиваю себе в нос, чтобы было чем дышать. И тебе тоже запихнул, пока ты тонул, понял? Вот они, эти водоросли. Ими мы с тобой и будем дышать, только не забывай их почаще менять. – Он показал мне на длинную, извивающуюся в воде водоросль. – Одно неудобство с ними – в носу не поковыряешь.

– Ха, так это же ульва, или морской салат! – узнал я с первого взгляда.

– Откуда знаешь? – удивился Саидка.

– Так это каждый шестиклассник знает! Ты что, биологию не учил?

– Да я, если честно, не только биологию, я вообще ничего не учил. Четыре класса закончил, и пошел отцу в море помогать, а потом и сам рыбачил, пока наш баркас не затонул... – пригорюнился Саидка.

Мне даже неловко стало. Вроде как выделяюсь перед ним своими знаниями.

– Ну, прости, Саидка, я не знал...

Мы, не спеша, плавно плыли по мелководью. Правда, «плавно» – это сказано не про меня. Я никогда не занимал-

ся подводным плаванием, и потому у меня это выходило все как-то больше рывками и скачками.

– Ничего, научишься, – приободрил меня Саидка, посмотрев на мои ужимки.

– Слушай, Саидка, а как же ты оказался в территориальных водах совсем другого государства? – вдруг дошло до меня.

– Какого государства? – не понял моей мысли Саидка.

– Ну, вот ты говоришь, что вы рыбачили у берегов Турции, а сейчас-то мы находимся у берегов Греции, или скорее, даже Италии? Выходит, вы браконьерством занимались?

– Какое браконьерство, слушай?! Просто меня подводным течением отнесло, – забеспокоился почему-то Саидка.

«Что-то темнит, парнишка!» – подумал я, но особо разбираться не стал. Пусть будет подводное течение. В конце концов, не моего государства это дело.

Насколько я понял, мы медленно пробирались в глубины моря. Это было заметно, по постепенно сгущающейся темноте вокруг нас и окраске окружающих рыб. Они становились темнее, невзрачнее, а многие из них попросту валялись на дне, приплюснутые давлением. Но почему-то на нас это давление совершенно не действовало, хотя, по всем законам нас уже давно должно было раздавить, как таракана тапочкой. Это тоже было необъяснимо. Мне необходимо было как-то осмыслить мое нынешнее положение. Осмысление я решил начать поэтапно. Начну, пожалуй, опять же, с дыхания. И я

принялся рассуждать.

– Нет, Саидка, я думаю, тут дело не в водорослях. Слишком бы это было просто. Во-первых, все водоросли, а не только ульва, поглощают углекислый газ и выделяют кислород. – Размышлял я, меняя на ходу, вернее, на плаву, свои турунды в носу и на всякий случай при этом задерживая дыхание. – Люди давно бы додумались до такого простого решения, а не таскали бы на себе акваланги. А, кроме того, ты не задумывался, как мы с тобой понимаем друг друга? Ты что, учил русский язык?

– Нет, никогда не учил.

– Вот видишь! – даже обрадовался я. – А я не знаю турецкого, а тем более черепашьего. Как же мы тогда все общаемся? Я лично говорю по-русски. А ты, на каком языке?

– На турецком, понятное дело. Я другого и не знаю! – признался Саидка. – Ай, не заморачивайся по пустякам! Здесь все говорят на одном: и рыбы, и русалки, и мы с тобой, а как – я и сам не могу понять. Булькаем себе и булькаем.

При очередной замене турунд я попробовал дыхнуть без водорослей. Будь, что будет! Но со мной ровным счетом ничего страшного не произошло. Я даже воды не нахлебался, как ожидал. И дышалось нормально, даже лучше, потому что ничего не свербело в носу.

– Саидка, слушай, а ведь я и без водорослей дышу! – обрадовано завопил я.

Тот недоверчиво посмотрел на меня, заглянул в мой нос,

чтобы убедиться, что я действительно дышу без турунд.

– Не, я все же побаиваюсь...

– Если я дышу, то почему же ты не можешь? Вытаскивай их на фиг!

– Не, я подожду немного.

– Ну, смотри, как знаешь.

Минут через десять Саидка, присматривавшийся ко мне, все-таки решил последовать моему примеру и тоже выдернул их из носа.

– Живой? – спросил я его.

– Нормально!

Обнаружился лишь один недостаток: без турунд в нос набивалась всякая мелочь: дафнии, амебы там разные. Все равно, как мелкая мошкара летом. Из-за этого приходилось часто высмаркиваться, или чихать. В остальном, дышать было терпимо, а если еще куском водорослей отгонять, как веточкой, всю эту мелочь, то совсем хорошо получалось...

– Это же надо, а! – возмутился вдруг Саидка.

– Чего ты?

– Пять лет ерунду всякую в нос совать! Где ты раньше был?

– Ты что, хочешь сказать, что мне надо было бы раньше утонуть?

– Нет, я не то хотел сказать... – смутился Саидка. – Слушай, а как мне тебя представить Нептуну? А то заболтались мы с тобой, я даже и не спросил, как тебя звать, – быстрень-

ко сменил он неприятную тему.

– Зю, – непроизвольно вырвалось у меня имя, ходящее последнее время в институтском кругу.

– Как? – удивился Саидка. – Странное имя. Я что-то такого не слышал.

Пришлось объяснять ему, что вообще-то я, по паспорту, Владимир Болкунидзе, но в институте моя фамилия претерпела некую эволюцию. В самом начале моего обучения, когда меня назначили запевалой роты за мою недюжинную способность орать, я сразу же превратился в Кикабидзе. Чуть позже, когда я на спор съел бачок гороховой каши и при этом остался жив, я автоматически превратился в Камикадзе. Потом, по военно-морской традиции сокращать и превращать в аббревиатуры все слова и словосочетания, я превратился просто в Дзе. Когда же я, хилак, на тренировке одним хуком отправил в нокаут качка из второго взвода, тогда я уже вполне заслуженно стал носить гордое имя Дзю. Которое, опять же по морской традиции, не говорить длинно, как-то незаметно потеряло первую букву, и я стал называться просто Зю – простенько и со вкусом, как мне кажется. А что, мне лично, очень даже нравится! Хорошо, еще хоть две буквы от моего имени оставили товарищи по взводу, а то могли бы и просто Ю назвать. И на том спасибо.

Насколько я понял, Саидка мало, что уразумел из моих объяснений.

– Зю, так Зю, – как-то разочарованно пожал он плечами.

Наверное, он ожидал от меня чего-то более внушительного, типа Ричарда, или Артура какого-нибудь. Ну, уж не обесудьте... Как говорится, чем богаты...

Мимо меня в этот момент проплывала трубка, и я инстинктивно протянул за ней руку: курить хотелось до невозможности, а все мои сигареты, как сами понимаете, превратились в табачную кашу, которую я выкинул, вывернув и прополоскав карман, сразу по прибытии на место моей последней дислокации. Следом за этой кашей отправилась и бесполезная в данной обстановке зажигалка.

– Не лапай, хам! – взвизгнула «трубка» и стремительно уплыла прочь.

– Что это было? – спросил я Саидку, одергивая от неожиданности руку.

– А, это? Рыба-трубка. Да брось ты ее, от нее никакого толку, забудь вообще про курево. Ты лучше посмотри, какой у нас красивый дворец! Ты видел на Земле что-нибудь подобное? – указал он мне на какую-то феерическую фантазмагорию, высветившуюся прямо по курсу. Что-то огромное, переливающееся светящимися огоньками шевелилось, оставаясь при этом на одном месте. Словно какая-то огромная глыбища, покрытая светящейся чешуей, в едва заметной водяной ряби угнездивалась, отыскивая удобное положение.

* * *

Я действительно ничего подобного в своей жизни еще не видел. Какое-то фантастическое нагромождение светящихся

и искрящихся камней, смутно напоминавшее формой усеченную пирамиду, что-то вроде индейских. Но самое удивительное было в том, что эти камни были словно живыми, от подводных течений и колебаний воды, они постоянно приходили в движение, колеблясь и принимая самые причудливые фосфорически светящиеся конфигурации, но при этом общая форма усеченной пирамиды сохранялась. Одним словом, светящаяся и переливающаяся плазменная химера. Когда мы подплыли поближе, я пригляделся к этим живым стенам. Оказалось все очень просто, как и все гениальное: огромные валуны, из которых была построена пирамида, были облеплены динофлагеллатами – это особый вид планктона, которые издают короткие вспышки света. А большое скопление этого вида планктона создают столько света, что можно читать газету. Моряки не дадут мне соврать, ночью эти самые динофлагеллаты часто вызывают сияние поверхности моря, когда ее спокойствие не нарушают волны или след от корабля. В детстве я увлекался биологией, и прочитал много книг о подобных чудесах природы. Но одно дело прочитывать, а другое – увидеть все это своими глазами... Да, и что это меня, сугубо сухопутного человека, ни разу не видевшего моря до моей практики, понесло в Военно-морской институт? Занялся бы всерьез своей любимой биологией после школы, так не булькал бы сейчас на дне морском с каким-то сомнительным Саидкой.

Кроме этого светящегося планктона по дворцу плавало

скопище разных светящихся рыбок-фонариков и кальмаров. Так что, иллюминация во дворце была будьте-нате! Ничуть не хуже, чем на Невском. С той только разницей, что на Невском фонари стоят не двигаясь, а здесь все освещение постоянно передвигалось. Разгуливало, одним словом, создавая эффект светомузыки.

У самого входа в эту фосфорецирующую махину, огромными размерами напоминавшего парадный вход в Эрмитаж, но только без дверей, плавали на привязи из водорослей две страшные акулы. Одна из них при нашем появлении оскалила пасть в Голливудской улыбке, демонстрируя несколько рядов зубов. Я от этого зрелища интуитивно дернулся назад, но Саидка успокоил меня:

– Не дрейфь, Зю, мы свои. – И показал кулак ощерившейся акуле. Та тут же захлопнула пасть и виновато юркнула в какую-то расщелину пирамиды, совсем, как нашкодившая собачонка.

Мы с Саидкой плыли по коридорам, от которых отходили проемы в анфилады коридоров или огромные залы. Все стены коридоров и залов в изобилии были увешаны кораллами и жемчугом. Такого обилия даров моря с лихвой бы хватило, чтобы утолить желания всей женской половины человечества без исключения и еще бы кое-что осталось в загашнике. Вот уж воистину, «не счесть жемчужин в море полуденном...». Кроме изобилия коралловых кустов и жемчугов, украшением дворца служили и развешанные гирляндами по

стенам морские звезды, ослепительных цветов и самых разнообразных нежнейших оттенков. Я, раскрыв от изумления рот, совсем как в свое первое посещение Эрмитажа, глазел на эти изукрашенные стены и потолки. Вот только дверей в этом причудливом дворце нигде не было. Получался самый настоящий лабиринт. И как только можно не заблудиться во всех этих ходах и выходах! Я остановился, пораженный невиданной красотой, но Саидка меня одернул нетерпеливо:

– Потом, все потом, у тебя теперь будет много времени, насмотришься... Нептун ждет!

На «Перекопе» еще совсем недавно мы всей командой отмечали день ВМФ. Как и положено, в этот день, к нам пожаловал Нептун в окружении работниц камбуза и официанток, выраженных русалками, и всех остальных персонажей, обязательных на таком празднике. В Нептуна был наряжен наш боцман – Александр Иванович. Нептун был неотразим! Огромного роста, громогласный, слегка подвыпивший, с пеньковой бородой, прикрывающей его необъятный живот, и рыжими прокуренными усами. В руках у него были самые настоящие деревенские вилы, непонятно каким образом попавшие на военный корабль и имитирующие трезубец Морского Владыки. До того дня я ни одного Нептуна в глаза не видел, и потому Александр Иванович произвел на меня неизгладимое впечатление. Теперь мне не терпелось воочию увидеть самого, что ни на есть настоящего Нептуна, чтобы я смог по достоинству оценить высокохудожественное пере-

воплощение нашего боцмана.

Тронный зал представлял собой огромную комнату, украшенную теми же кораллами, жемчугом и звездами. Только коралловые заросли здесь были гуще и кустистее, жемчуг – крупнее, и кроме обычного белого, изобиловал розовый и черный. Морские звезды, налипшие по стенам – были солиднее и ярче. Вдоль стены за тронном, почему-то протянулась длинная вереница старинных сундуков и ящичков. От огромных, напоминавших бабушкин комод, до маленьких, наподобие ларцов. Кое-где сундуки громоздились друг на друге. Они явно не вписывались в интерьер зала, убогим видом нарушая гармонию изящной торжественности. Дерево на них потемнело от времени и влаги, кованые когда-то углы, ручки и заклепки проржавели до такой степени, что кое-где зияли дырами. Все они были давно и плотно обжиты мелкими морскими обитателями и растениями. «Что они рухлядь тут собрали? Весь вид испортили», – невольно подумал я.

Нептун уже ожидал нас. Он могучим утесом восседал на огромном троне, таком же величественном и великолепном под стать дворцу. В правой руке, как и положено, Нептун держал настоящий золотой трезубец, размерами напоминавший скорее гарпун китобойцев. На клокастых, заросших по пояс густых и нечесаных, похожих на свалывшуюся паклю, волосах красовалась золотая корона размером чуть меньше колеса от Жигуленка. Сам Владыка морской был так огромен, как два брата Кличко, вместе взятые, только ро-

стом, наверное, повыше их будет. Лица его толком было не разглядеть, потому что оно все, за исключением глаз, поблескивавших синими лукавыми топазами, скрывалось под могучими зарослями бороды, закрывавшей не только лицо, живот, но и все остальное. Из-под ее зарослей выглядывали лишь босые ноги Владыки. Я так и не понял, в чем же он одет – казалось, что волос было больше, чем его самого.

Сразу же после нашего появления, как по команде, в зал с двух сторон грациозно начали вливаться самые настоящие, живые русалки!

– Дочки Нептуна! – восторженно шепнул мне Саидка.

Русалки тем временем привычно и бесшумно выстраивались в длинные ровные шеренги направо и налево от трона. «Ага, хлам прикрывают, чтобы бардак в глаза не бросался», – догадался я. Их тут было чело..., рыбами их тоже назвать трудно, скажем так, особой около сорока. Точное число сказать не могу, так как постоянно сбивался в счете. Да, силен, видать, Нептун-батюшка по мужской части! Русалочки были все, как на подбор, блондинистые, с длинными волосами, шлейфом струящимися за их движениями. Хороши несказанно! Как есть топ-модели, только вместо длинных, мосластых ног – пышненькие бедра, плавно переходящие в изящные хвосты. Если отбросить всякую предвзятость, то свободно можно было представить себе, что это выстроились в шеренгу барышни-балерины и стоят себе в первой позиции, плотно сдвинув грациозные ножки и разведя сто-

пы в разные стороны. Эти девочки – одна краше другой, с обнаженными торсами, все как одна, синхронно и очень даже эротически покачивали своими, переливающимися и поблескивающими чешуей хвостами, причем, заметьте, не самыми кончиками, а начиная где-то от бедра. Создавалось впечатление, что я попал не на прием к владыке морскому, а на конкурс «Мисс Вселенная». Эти откровенные покачивания бедрами и оголенные торсы с торчащими грудками совершенно выбили меня из колеи. Наглядевшись на них, у меня кровь прилила не только к лицу, но и к мозгам, и я чуть было не брякнулся в обморок. Ну, нельзя же, честное слово, так шутить с курсантом, который в месяц имеет всего четыре дня увольнений! И это еще при условии, если ты учишься на «отлично». Я уже не говорю про месяц практики, где, кроме камбузных работниц, похожих на колобков, вообще никаких особей женского пола не встретишь. Ведь так и до беды недалеко! Хорошо, Нептун вовремя заметил мое неадекватное состояние и, оглянувшись на своих дочек, сурово прикрикнул на них:

– Прикрыть срамоту! Не видите, молоденький совсем попался! Не привык еще к нашим порядкам. Свиристелки!

А мне ободряюще кивнул:

–Ничего, ничего, парнишка, ты, главное, не стесняйся! Не телесной наготы надобно стыдиться, а душевной черноты. У нас тут, понимаешь, напряженка с одеждой – тонут сейчас мало, а в воде все быстро истлевает, потому и ходим наги-

шом, или вон, как Садко, водорослями обматываемся, но это у кого на них аллергии нет. Так, что, привыкай, привыкай! Через годик, другой, глядишь, и ты у нас оголишься. – Утешил он меня.

Русалки, как по команде, прикрыли свою наготу длинными золотистыми струями волос. Я немного пришел в себя, а Саидка взял слово. Он опять встал в позу памятника Ленину на Финляндском вокзале, и, вытянув правую руку в сторону Нептуна, торжественно провозгласил:

– Всемирный Владыка пяти океанов, всех морей и водных ак-ак-акв.... Прости, владыка, опять я это слово забыл... – смешался он.

– Экваторий, – милостиво подсказал ему Нептун.

– Именно, – подтвердил Саидка, и, поменяв руки, представил теперь меня. – Курсант второго курса Морского института – господин Зю!

Нептун поднялся со своего трона и скалой повис над мной. У меня оказался неплохой глазомер: со своими метр восемьдесят я не дотягивал ему до плеча. Да, наш Александр Иванович явно проигрывал ему!

– Как же я рад! Ну, как же я рад! А ну-ка, Зю, дай я тебя разгляжу поближе!

И он принялся меня вертеть, теревить и мять, осматривая со всех сторон, даже зачем-то приподнял, словно взвешивая, и все приговаривал при этом:

– Вот это улов, так улов! Ну, хорош улов, ничего не ска-

жешь! А, Садко, как он тебе?

Садко принял такой гордый вид и так важно надулся при этом, словно в том, что я попал сюда, была только его заслуга: как будто он меня только что с крючка снял и притащил в подарок Нептуну. «Есть, что ли, меня собираются?» – закралась в голову страшная догадка. А старикан все продолжал мять и тискать мои ребра... Я вообще-то не переношу щекотки, но остановить Нептуна мне было неудобно. Как-никак, все же большой начальник. Не скажешь же ему:

– Дедок, давай завязывай со своими шуточками!

А визжать, хохотать, или отмахиваться от него в присутствии русалочек мне не позволяло мужское достоинство. Хоть и морские, но все же девицы. Они и без того о чем-то недвусмысленно перешептывались и ехидно хихикали, наблюдая эту сцену. Не хватало еще мне, будущему морскому офицеру, ударить перед этими рыбинами лицом в грязь! Не дождетесь! И потому я терпел, стиснув зубы, но чувствовал, что еще совсем немного, и я не выдержу: либо брякнусь от разрыва сердца прямо тут же, либо полезу в драку. Я уже совсем запутался в двухметровой, не меньше, сто лет не чесаной бородище Владыки, от которой противно воняло рыбой и тиной. Мелькнула мысль: «Вот так, наверное, дельфины зашекотывают до смерти свои жертвы»... Но тут, к моему счастью, Нептун, кажется, полностью наслаждался осмотром моих достоинств и соизволил, наконец, поставить меня на место. Видать, он остался доволен увиденным, потому что

напоследок дружески так звезданул меня лапищей по спине, что я едва удержался на ногах.

На ногах-то я еще как-то удержался, а вот от хохота, когда Нептун величественно прошествовал на трон, я уже удержаться не смог. Вид, который открылся мне сзади, был действительно уморителен! Если Владыка в фас с головы до ног был покрыт бородищей и космами, то с кормы, то есть сзади он царственно сверкал голой попой! В голове искрой вспыхнуло любимое бабушкино выражение: «миллионер голлож...ый». Это она так говорила папе, когда он бессмысленно тратил деньги. Так вот именно такой миллионер и вышагивал у меня прямо по курсу!

– Ты чего? – шикнул на меня Саидка, дернув за рукав.

А Владыка царственно обернулся, в грозном недоумении приподняв бровь. Саидка от его взгляда окаменел. Даже русалки прекратили свои перешептывания и хиханьки, с интересом наблюдая, чем же закончится неслыханная вольность: так непотребно ржать над самим Владыкой морским! Представьте себе на минутку, чтобы стало со мной, если бы я так гоготал над Владыкой земным, или, на худой конец, над каким-нибудь адмиралом? Представили? Я тоже, и мой неуместный смех сам собой, как-то очень робко затих.

– Простите, ваше...ваше...ство, вы одеться забыли, – виновато объяснил я.

– Не забыл, а не во что. – Спокойно разъяснил ситуацию Нептун. – Говорю же тебе – с одеждой у нас напряженка.

Все облегченно вздохнули. То ли Владыка сегодня был в благостном расположении духа, то ли это я его так обаял, но гроза, не успев начаться, кажется, миновала. Да, надо быть внимательнее на будущее. Субординация, она и на дне морском субординация.

– Ты уж извиняй, Зю, Владычица не сможет тебя сегодня принять.– Кивнул Нептун на пустующий рядом трон поменьше габаритами. – На сносях она у меня, понимаешь ли. Стесняется в таком виде на люди показываться. Ну, присаживайся, рассказывай все, как есть.

– А что рассказывать-то? – уточнил я.

– Все: где родился, где учился, где институт твой находится, в котором таких бравых мореходов готовят? – поинтересовался Нептун, восседая на трон.

После казуса с моим хохотом, я вопросительно взглянул на Саидку. Тот кивнул головой, говори, мол, теперь можно.

– В Питере, Ваше... ваше..., – замялся я.

Не разбираюсь я, честно сказать, во всех этих величествах, высочествах, сиятельствах, светлостях. Когда и к кому они применимы, сам черт не разберет.

– Зови меня просто – Владыка. Мы тут без церемоний. – Милостиво разрешил Нептун. – В Питере, говоришь? А как же тебя из Балтики-то в наши края занесло? Да ты присаживайся, присаживайся, курсант, в ногах правды нет. Разговор у нас, я думаю, будет долгий, торопиться тебе теперь некуда.

Я присел на краешек валуна, формой напоминавший

кресло и такой же мягкий по причине того, что весь оброс губками, полипами и водорослями.

– Так практика у нас... Целый месяц уже. Назад как раз должны были возвращаться, в Питер, а я вот тут... застрял... Наверное, ищут уже меня...

– Знаю, знаю, как же, доложили уже. И «Перекоп» твой я самолично оглядел. Целехонький стоит, ничего ему не удалось. Тебя, видать, ищут, не уходят никак. Только вот хрен найдут. – Довольно хмыкнул Нептун. – Какие же настырные люди, ты скажи! – обратился он к Саидке. – Ну, поискали часиков пять, и идите себе своим путем. Так нет же, и лазают и лазают по дну, словно бы он живой до сих пор был бы. Всю воду вокруг перемутили, рыб всех перепугали. Сколько инфарктов, инсультов, больницы рыбы переполнены! А они все никак не угомонятся...

– Простите, Владыка, – робко перебил я, – Так я что, выходит, не живой уже?

– Должен быть неживой, но тебе крупно повезло, курсант. Прямиком во владения мои попал. Резиденция у меня здесь как раз находится. Видать, из счастливичиков будешь. Промажь ты метров на сто, не беседовал бы сейчас со мной. Ты присаживайся. – Предложил он опять, заметив, что я скромно жмусь на самом краешке «кресла». – И ты, Садко, садись, посиди с нами...

Нептун подождал, пока мы усядемся.

– Во-первых, бытовые вопросы надо решить: с жильем,

где столоваться будешь. Я так мыслю, а не пожить ли тебе, Зю, пока во дворце, а там уж организуем тебе какой-нибудь гротик небольшой...

– Позвольте, Владыка, слово молвить, – робко вмешался Саидка.

– Ну, говори, – милостиво разрешил Владыка.

– Я предлагаю: пусть Зю пока у меня поживет. Временно.

– У тебя, говоришь? – почему-то насторожился Нептун.

– Зю – человек новый в нашем государстве, ничего о подводной жизни не знает, – заторопился Саидка. – А я помогу ему, ознакомлю с окружающей обстановкой, с нашими законами, введу, так сказать в курс дела...

– Ну что ж, пожалуй, дело говоришь. Пусть пока поживет у тебя, а там посмотрим. Ну, а столоваться – милости прошу во дворец! Саидка подскажет, когда, что и как. Ну что ж, я думаю, бытовые вопросы мы решили, теперь о серьезном поговорим. Не будем откладывать в долгий ящик. Есть у меня к тебе деловое предложение, курсант. Как ты посмотришь, если я назначу тебя Министром обороны?

– Как, прямо так сразу? – опешил я.

– А что? Чего же тут тянуть-то? Все-таки, не каждый день к нам военные люди попадают.

– Министр обороны?.. А от кого же обороняться, если вы – Всемирный Владыка всех морей и океанов? Какие у вас в таком случае могут быть неприятели?

– Да есть тут один... – замялся Нептун. Он долго молчал,

видно раздумывая, стоит ли мне говорить. – Посейдон, гре-
чишка паршивый! Слыхал, небось, про такого? Тоже ведь,
прыщ выискался! Все туда же – на Всемирное господство
претендует!.. Вот его мы с тобой и будем воевать!

У меня от удивления челюсть отвисла.

– Ну, вы даете, Владыка! Ведь это же одно и то же: у гре-
ков – Посейдон – морской Бог, а у римлян – Нептун! Какая
разница-то? Только имена разные. Выходит, вы сами с собой
воевать будете? – хмыкнул я, ничего не понимая. – Галима-
тья какая-то получается!

– Ты мне тут хрен с редькой не путай! – грозно рыкнул на
меня Владыка, – Кто этот грек, а кто – я! Сказано тебе, По-
сейдона воевать будем, и баста! – Владыка так треснул сво-
им трезубцем об пол, что гул прокатился по всему дворцу,
и вода пошла крутыми волнами. Бедные русалочки, устав-
шие стоять по стойке смирно и рассредоточившиеся экзоти-
чески-живописными группками по старым сундукам, даже
взвизгнули от неожиданности.

– Согласен, согласен. Противник имеется в наличии. –
Поспешил я замять опасную тему. – Только, в таком случае,
возникает вопрос: а чем воевать-то будем? У вас ведь ни ору-
жия, ни флота, ни армии нет...

– Ну, это не скажи, милоч! Оружия, конечно, у нас такого,
как у вас на Земле, нет, согласен. Но насчет армии, уж тут
не сомневайся! Инженерные войска – рыбы-пилы, молоты,
крабы со своим инструментом, – начал загибать пальцы на

руке Владыка. – Психические войска – дельфины – защекочут так, что мало не покажется. Химические войска – мурены, осьминоги, значит, и прочая там ядовитость. Даже тяжелая артиллерия есть – киты и прочие гиганты – как навалится такая туша, от врага только мокрое место и останется. Я уж не говорю, про группы быстрого реагирования, куда акулы всех видов входят и рыбы-мечи. Да что тут говорить, даже спецподразделение у нас есть – скаты электрические! Ну, этих мы на самый крайний случай держим, сами их побаиваемся, если честно сказать. Еще долбанет по своим, а кругом сырость, понимаешь ли... А насчет того, с кем воевать, ты не сомневайся, это мы найдем, была бы армия! – обнадежил меня Нептун. – Так что, курсант, принимай командование!

– Какое командование! Какое командование! – заволновался я, начиная понимать, что это не пустые разговоры. – Да у меня всего два курса института, я еще ничего толком не понимаю в военном искусстве. И вообще, я – всего-навсего уши...

– То есть? – заинтересовался Нептун.

– Локаторщик, значит. Ни тактики, ни стратегии военного искусства я не знаю. – Занервничал я.

– Не знаешь, так узнаешь! – настырничал Нептун.

Хоть в институте я и числился в черепахах, или ботанах, то есть в курсантах, которые на отлично сдают сессии и тянут на Красный диплом, но два курса – это еще не институт. Кроме того, за два года учебы в институте я привык, что все про-

блемы за меня решали отцы-командиры. А тут вдруг – такая ответственность!

– Нет, нет, я не справлюсь, это точно! – продолжал отнекиваться я.

– Справишься! – Приказал мне Владыка. – Должен! Как там у вас в армии говорят? Не хочешь – заставим, не можешь – научим! С чего-то тебе все равно надо начинать службу. Вот тебе и первое твоё назначение. Во все вникнешь по ходу дела, – успокоил меня Нептун. – Вон, погляди на Садко. У него вообще четыре класса. Начинал с придворного певца, а сейчас – в большие люди выбился. Дослужился до Главы администрации! Так что, милоч, не дергайся, потому, как тебе все равно отсюда не выбраться, а давай-ка, не мешкая приступай к работе... А дальше, – тяжело вздохнул Владыка, – посмотрим, как ты себя Военным министром проявишь. Глядишь, я тебе ещё и своё место передам по наследству. А то у меня, – он оглянулся на своих дочерей, некоторые из которых от этих мужских разговоров уже откровенно зевали, кокетливо прикрывая рот ладошкой, – такое дело выходит, – он смущенно хмыкнул, – почему-то одни девки получают. Уж мы с матушкой Владычицей стараемся-стараемся, ан, нет – одни девки прут, и все тут! Нет у меня наследника, выходит, понимаешь ли. Некому даже трон свой оставить, – загрустил Владыка. – А может, приглядишь себе какую из русалочек, а? Вон они у меня какие красавицы! Ох, беда мне с ними, в невестах засиделись, а с женихами, сам,

понимаешь, у нас туговато. За кого попало, – он многозначительно покосился на Саидку, – не хочется выдавать, как никак, родная кровь... Так что, курсант, считай, что повезло тебе, как дураку: и невеста царская, и работа престижная, и трон Владыки в перспективе светит, чего тебе еще надо, а? А я бы со спокойной душой на заслуженный отдых отправился. Пора уже. Возраст дает о себе знать. Нет, ты мне определенно понравился, Зю.

– А как же с присягой? Ведь я на верность своей Родине присягал!

– А что нам твоя присяга? Мы у тебя ее не отнимаем! В нашем Подводном государстве нет никакой присяги. Да и воевать с твоим государством мы не собираемся, так что живи спокойно со своей присягой. – Упирался Нептун.

– А почему бы Вам, Владыка, Саидку на эту должность не назначить? – осмелел я. – Все-таки он здесь уже освоился, в обстановке лучше ориентируется, с местным населением контакты наладил. А что я: без году неделя, и сразу в Министры обороны? Боюсь, не потяну. Такая ответственность...

– Садко, говоришь? – хмыкнул в усы Нептун.

Он взглянул на Саидку. Тот в это время сидел и украдкой от Нептуна перемигивался с русалками, жестами показывая им что-то явно неприличное. Те в ответ, также украдкой от Нептуна-батюшки, тихонько хихикали и строили умильные рожицы, посылая ему в ответ воздушные поцелуйчики. Но батюшка этого словно и не замечал.

– Саидку? Да, думал я уже об этом. И не раз. – Почесал в бороде Нептун, вытаскивая из нее какую-то мелкую рыбешку. – Пшла вон! Боюсь, не справится, образования ему не хватает. Вот с канцелярией он ловко приспособился, тут ничего не скажешь. А потом, кто же будет мне празднества дворцовые устраивать? Нет, Саидка на своем месте, здесь пока никаких перестановок не будет. А тебя, Зю, я только Министром обороны вижу. Твоя это стезя!

– Подумать можно? – осмелился все же спросить я, совершенно ошалев от такого напора.

– А чего тут думать? Чего думать? – заторопился Нептун, видимо понимая, что я, в принципе, могу и отказаться от такой перспективы. – Вот ты, например, на кого учился в своем Питере?

– На подводника.

– Во!!! Как раз то, что надо! – прямо-таки возликовал Владыка морской. – Вот тебе и все подводное царство в руки само плывет, а ты еще чего-то думать собираешься. Владей – не хочу!

Мне вдруг почему-то вспомнился наш уютный маленький домик на окраине Калуги, цветущий яблоневоый сад, и мы с Юлькой сидим, прижавшись друг к другу, в гамаке с учебниками литературы, осыпаемые яблоневыми лепестками. От Юльки так сладко пахнет весной, и вся она, такая теплая и родная, ее мягкие, шелковые волосы щекочут мне щеку, но я не шевелюсь, и боюсь дышать, чтобы не спугнуть мимолет-

ного мгновения счастья...

– Я домой хочу, к маме. – Неожиданно для самого себя, пробулькал я, всхлипнув от наплывших на меня чувств.

– Ну, что такое, «к маме»? Ну, ты, Зю, даешь! – даже растерялся Нептун. – При чем тут мама? Ты что, у нее всю жизнь под юбкой сидеть собираешься? Нет, конечно. Всю жизнь там не просидишь, – начал уговаривать меня Владыка более мягко и вкрадчиво. – Все равно рано или поздно куда-нибудь уедешь от нее. Вот, и считай, что ты уже получил направление от института. Какая тебе разница, где служить? Ведь, ты подумай хорошенько своей головой, что бы ты имел в перспективе на суше? Ну, предположим, закончил бы ты свой институт, загнали бы тебя, куда Макар телят не гонял. Ни жилья, зарплата мизерная, роста по службе никакого. Дослужился бы, в лучшем случае, до капитана третьего ранга, потому что у вас там, – он ткнул пальцем в сторону дворцового потолка, – выше звание не получить – для этого либо деньги большие нужны, либо связи. У тебя папа, случайно, не из адмиралов будет? – ехидно поинтересовался он.

«А что, он прав! До кап-три придется тянуть лет восемь, никак не меньше, а там уже и в отставку пора собираться», – уныло подумал я.

– Нет, папа электриком на заводе работает.

– А чего же ты тогда в морской институт поперся? – искренне удивился Нептун. – Шел бы себе в какой-нибудь Электротехнический, что ли, как папа. У вас ведь, там, – он

опять ткнул вверх, – как заведено? Дети идут по стопам родителей, вроде как династии семейные. От артистов – значит, только артисты рождаются, от депутатов – депутаты, от военных – военные. . . Деток пристраивают по своим линиям, а все на гены валят. – Недовольно пробурчал Нептун.

– Романтика, наверное. – Пожал я плечами. Я уже и сам сомневался в правильности выбора своего жизненного пути.

– Романтика. . . – передразнил меня Нептун. – А ты, оказывается, дурак курсант! Впрочем, это бывает по молодости, с годами пройдет вся твоя романтика. Вон мои, дурехи, глянь, тоже все о принцах мечтают, а где же я им столько принцев наловлю? – взгрустнул владыка. – Во-о-т. А тут тебе – все сразу: получай без всяких взяток, и без блата. У нас тут, в Подводном Государстве, я заявляю тебе со всей ответственностью, никакой коррупции, никакого местничества, никаких бюрократов и чинуш в помине не водится. И экономика у нас вся чистая и прозрачная, как вода морская. А сам я, вон Садко не даст соврать, твердыней стою на защите прав и свобод всех своих граждан. – Ткнул он пальцем в сторону Саидки. – Скажи, Садко!

Тот, на миг оторвавшись от перемигиваний с русалками, с готовностью кивнул головой.

– Как есть твердыней! – с превеликой радостью подтвердил он.

– Вот, с криминалом, сознаюсь, никак покончить не можем. Ворье мелкое совсем замучило, акулы-бандиты люту-

ют, да и мурены не отстают, в банды сбиваются. Да-а-а. – взгрустнул Нептун не надолго. – Но мы все же надежды не теряем, боремся, боремся с этими бандитами... Нет, ну ты подумай, перспектива роста для тебя какая, а? – опять вернулся он к прежней теме разговора. – Ведь самим Владыкой морским можешь стать! Разве не заманчиво? Поди-ка сюда, что покажу. – Поманил он меня пальцем.

Нептун поднялся с трона, и не спеша, подошел к обветшалым сундукам. Бесцеремонно согнав русалочек, устроившихся на одном из них, и, отставив в сторону трезубец, Владыка попытался открыть его. Но у него из этого ничего не получилось. Сундук ни в какую не хотел открываться – видеть, давненько не пользовались им.

– Заело что-то... Ну, что ты столбом стоишь? Помогай! – обернулся он ко мне.

Сундук удалось открыть только втроем: на помощь пришлось звать и Саидку. Но когда мы его, наконец, открыли!.. Дыханье сперло от увиденного! Клад, самый настоящий, старинный пиратский клад открылся нашим взорам! Сундук оказался до самых краев наполнен золотыми и серебряными монетами, бусами, кольцами, колье, диадемами, драгоценными камнями, кубками, вазами, столовыми приборами, посудой... Чего там только не было! И все это, магически притягивая, блестело, мерцало, завораживало. Глаз не отвести! Я стоял, как замороженный, не в состоянии оторвать взора от этого несметного, просто сказочного, богатства, хотя ме-

ня так и тянуло запустить в него руки и поворочить, поворочить его...

– Ух, ты!!! Настоящий Эрмитаж! – невольно вырвался у меня возглас восхищения.

Нептун видимо что-то заметил в моих глазах, какой-то алчно загоревшийся огонек.

– Нравится? – скромно поинтересовался он. – Вот, Зю, станешь наследником престола – все это твоим будет! Вон сколько тут сундуков! Несметные богатства! Все твое будет! Владей безраздельно! Ну, что, теперь пойдешь в Министры?

Я слегка пришел в себя. И даже помотал головой, чтобы отогнать наваждение, которое возникало в голове при виде этих бесценных побрякушек: самолеты, виллы, яхты, лимузины, и разная другая дребедень...

– В Министры? – начиная приходить в себя от искушения, переспросил я. – А-а-а! Нет, не пойду. Да и на что мне все эти цацки сдались? Что я с ними здесь, в вашем государстве, делать буду? Вот если бы мне все это – там... – Я ткнул пальцем в сторону потолка.

– Ох, зря Зю, отказываешься! Ох, зря! – огорченно вздохнул Нептун. – Ну, ладно. Коли тебя богатства не прельстили, тогда как ты посмотришь на абсолютную, безграничную власть? Ведь весь надводный и подводный мир будет тебе подвластен. Вот они все, где у тебя будут...

Нептун крепко сжал свою волосатую пятерню в кулак, наглядно демонстрируя мою власть не только над родным Рос-

сийским, но и над всеми флотами и флотилиями мира. Я, немного подумав, уже чуть было не клюнул на такую перспективу, едва ли не воочию представив начальника практики, подобострастно убирающего с моего парадного адмиральского мундира ляпы чайки... Но тут перед моим взором опять неожиданно возникла Юлька, никак не связанная тематически с моими мыслями о могуществе власти... Такая тоненькая, стройная, с длинными ногами, в коротенькой юбочке, на шпильках, не то, что эти – хвостатые... и я, с неожиданной даже для самого себя, твердостью выпалил:

– Товарищ Нептун, разрешите обдумать Ваше предложение?

– Ты мне тут не фамильярничай! – неожиданно грозно воззрился на меня владыка, сдвинув брови. – Нашел, понимаешь ли, себе товарища! Какой я тебе товарищ?! Не забывайся, курсант! Владыка я, Владыка! Нептун и Министру не товарищ! – он гневно потряс своим трезубцем в воздухе.

«Опять что-то не то ляпнул!» – перепугался я.

– Виноват, Ваше Владычество! Оговорился по привычке. Исправлюсь. – Попытался я исправить положение.

– Вот так-то оно лучше. – Нехотя смилостивился Нептун. Он еще долго что-то бурчал себе под нос. Слышно было только часто повторяющееся слово «товарищ». И чем оно ему так не понравилось?

– Ладно, Зю, уговорил старика, – наконец, отошел он. – Даю тебе три дня сроку на раздумывание. Но учти: отка-

жешься – пеняй на себя. В Сибирь сошлю, на вечную каторгу!

Я пока всю эту несуразность: дворец, Нептуна и наш с ним такой странный разговор воспринимал, как кошмарный сон. Но намятые Владыкой бока все же возвращали меня в реальность...

Интересно, а как я узнаю, когда эти три дня закончатся, когда с моими часами творится что-то совершенно непонятное? Они просто взбесились! То стояли и просто так тикали, а то вдруг секундная стрелка начала двигаться в обратную сторону, а за ней, похоже, и минутная вместе с часовой направились туда же. Как же мне определиться со временем? Ладно, буду пока отсчитывать время назад... В конце концов, Нептун сам знает, когда меня в Сибирь отправлять.

– А у вас, что, тоже Сибирь есть? – вдруг дошло до меня.

– А как же! – усмехнулся Нептун, самодовольно подкручивая ус, – Небось, ты, Зю думал, что в сказку попал?.. У нас тут все есть! Северный ледовитый океан, пожалуй, пострашнее вашей Сибири будет! Так что ты думай, думай, парнишка!

«Господи! Так куда же я все-таки попал?! И где тут выход?»

– Ну, что там у нас сегодня с обедом? – обратился он к Саидке, который на протяжении всего нашего разговора только и делал, что многозначительно перемигивался с хихикающими русалками.

– Все готово! Владыка трапезничать желает! – Совсем как в кино «Иван Васильевич меняет профессию», провозгласил торжественно Саидка и с готовностью устремился из Тронного зала для того, чтобы отдать последние распоряжения перед трапезой Владыки.

«Трапезничать – это замечательно!», – обрадовался я. Как известно, курсант сытым не бывает, но к настоящему моменту, я уже ...так, сколько же это будет, если я прибыл, скажем, в 12.40, а сейчас – 7.45 (самое время завтракать)? Это будет... это будет... Ни фиги себе, где-то около пяти часов я уже здесь ошиваюсь, а во рту – маковой росинки не было. Мой многострадальный желудок, четко следуя рефлексам Павлова, выработанным строгим распорядком институтской жизни, уже давно и тщетно взывал к моему сознанию, посылая такие зверские сигналы и импульсы, что, казалось, в животе у меня поселился свирепый голодный лев. Пусть еще скажет спасибо, что я морской соленой воды не нахлебался. Я потянул носом, пытаюсь угадать, чем нас будут угощать. Но ничем и не пахло. Нет, запахи, конечно, присутствовали, но обычные для окружающей обстановки: пахло сыростью и тиной. Нет, все же это удивительно! Кругом вода, а я почему-то спокойно дышу, разговариваю и при этом ни в легких, ни в желудке ни грамма воды. Ну, допустим, что у русалок есть жабры. Возможно, даже и у Нептуна они имеются (надо будет как-то деликатно поинтересоваться). Амфибии хреновы! А как же тогда мы с Саидкой? Но обдумать этот вопрос

я не успел.

* * *

Тут в зал из проема вплыл огромный стол, размером с теннисный корт, никак не меньше, весь уставленный горами чего-то весьма аппетитного на вид. Сначала я подумал, что его сзади кто-то катит, вроде стола на колесиках, но оказалось это не так. Его тащили на себе шесть огромных крабов. Эти крабы были такие огромные, как, как... ну, скажем, наши бегемоты, только чуть поменьше и приземистее. Но самое интересное, что все эти морские монстры с такой удивительной синхронностью выбрасывали свои клешни, что ни одна горошка на столе даже не пошелохнулась. Ну, чем не парад на Красной площади! Это сколько же времени их гоняли, чтобы добиться такой техники! Крабы взяли равнение на середину зала, и, приставив клешни, замерли как солдатики у Мавзолея. Вот это техника! Уважаю! Столешница, которую притащили крабы, представляла собой тонкую мраморную плиту. Наверное, ни одна рыба-пила потрудилась над ней, чтобы отпилить от подводной скалы.

Нептун с царственным величием, опираясь на свой трезубец, прошествовал во главу стола, и широким гостеприимным жестом пригласил присутствующих. Русалки, радостно вереща и толкаясь, облепили стол со всех сторон. «Проголодались, бедолаги!» – посочувствовал я им. За ними степенно подплыл и Саидка. Ну, значит, и мне пора. Я не был знаком с придворным этикетом, и, чтобы опять чего не сморозить,

или не вытворить, теперь старался делать все, как мой земной собрат: уж он-то, видать поднаторел в дворцовых премудростях.

Стол, за неимением тарелок, был сервирован створками устриц разного калибра, но все как одна – с покрытием из розового перламутра. Только перед Нептуном стояло огромное фарфоровое блюдо с такой обильной позолотой, что выглядело чисто золотым. Наверное, из запасов какого-нибудь сундука. Такому блюду самое место было бы в Эрмитаже. Вместо бокалов на столе красовались раковины морских анемонов, уже отживших свой век. На перламутровых «тарелках» громоздилась икра всех цветов радуги: от черной до зеленой. Украшали стол разделанные севрюга, сиги, лососи... Отдельной горкой лежали раки, креветки, устрицы. Были на столе даже лягушачьи лапки, а из овощей – морской салат и капуста. Саидка начал было старательно перечислять мне наименования блюд, но запутавшись в названиях, махнул рукой:

– А, ешь все подряд, потом разберешься!

Все подняли раковины вместо бокалов, в которых, уже было что-то налито. Как я позже выяснил, это было молоко молодых китиц. Нет, не так, наверное. Китовье молоко. Нет, тоже не звучит. Короче, молоко молодых самок китов.

– За укрепление и процветание нашего подводного Владычества! – Торжественно провозгласил Нептун.

Все дружно выпили и дружно булькнули, что-то очень по-

хожее на наше «Гип-гип-ура!». Я тоже отхлебнул этого пойла. Оказалось, что оно не такое уж и противное, по вкусу чем-то похоже на наш кумыс, а по мозгам бьет не хуже сидра.

Потом, почти без передышки, последовали многочисленные тосты за мое прибытие, за меня, как за будущего Военного министра и надежды государства, за здоровье Владычицы морской и всех дочек, каждой в отдельности. Их имен я уже толком не разбирал, если честно. Что-то такое чудное: какие-то Амфибрахии, Ямисты, Дактилины... Одним словом, язык сломаешь, пока выговоришь. Саидка только успевал наполнять чары этой бормотухой из огромных бачков-анемонов, которые ему беспрестанно подтаскивали обслуживающие банкет крабы.

– Закусывай, закусывай, – заботливо шептал мне Саидка, подкладывая на мою тарелку икры и салата, – а то с непривычки развезет.

Русалочки тоже не отставали от него, со всех сторон потчуя меня разными деликатесами, и советуя, что надо попробовать. Даже сам Владыка присоветовал мне:

– Лапки, лапки лягушачьи попробуй, Зю. Ох, и хороши! Свежайшие! Прямоком из Сены вчера только доставили.

За неимением столовых приборов все ели руками, не церемонясь, прямо с «тарелок». Я последовал их примеру, тем более, что стол выглядел очень аппетитно. Но на вкус все оказалось сырым и несоленным. Меня чуть не стошнило от этих царских яств. Чтобы не портить аппетита окружающим,

я нагнулся якобы для того, чтобы завязать шнурок на прогаре, и с удовольствием выплюнул кусок сырой севрюги, который не желал лезть в горло. И угодил прямо под нос крабу, изображающему ножку стола. Тот с удовольствием проглотил мой подарок, но поинтересовался с угрозой:

– Царской едой брезгуешь, чужестранец?

– Нет, что Вы, все очень вкусно. Просто я на диете.

– Ну, тогда другое дело, – успокоилась «ножка».

– На икру налегай и капусту морскую еще можно, – сочувственно посоветовал мне Саидка. Икра мне тоже не понравилась. Сырая и несоленая. Пришлось налегать на капусту и салат – это было все, что я мог себе позволить с царского стола.

То ли от всего пережитого сегодня, то ли с голодухи, то ли этот китовий сидр действительно был слишком крепкий, но я изрядно опьянел. И, начисто позабыв про всякую субординацию, (сказывались издержки демократического воспитания), я пьяненько попер на Владыку:

– Что же это Вы, Ваше Владычество, своих соотечественников кушать изволите? – довольно злобно поинтересовался я, видимо от обиды, что пока все старательно опустошали стол, мне кроме травы, противно пахнувшей йодом, ничего в рот не лезло. Получалось, чисто как в сказке: по усам текло, а в рот не попало...

– М-м-м, так и вы от нас, м-м-м, пожалуй, не отстаете, м-м-м, – со смаком обсасывая лягушачьи лапки, промычал

Нептун. – Не брезгуете братьями своими м-м-м-м, младшими, м-м-м, земными. У вас, к примеру, курочка, а у нас вот – лягушечка, у вас – телятинка, а у нас – стерлядинка, у вас куриные яйца, а у нас – рыбы...

Вокруг стола уже всюду шныряли какие-то темные личности: рыбы, рачки и рыбешки, охотящиеся за объедками со щедрого стола Владыки, а если повезет, то, хватая еду и прямо со стола. На них тут никто не обращал внимания. Даже не отгоняли от стола, как мы обычно отгоняем надоедливых мух. И очень скоро, в наших чарах, угодливо наполняемых Саидкой из огромного анемона-бачка, уже плавали пьяненькие рачки и рыбки, которых все спокойно доставали пальцами, и отправляли под стол.

– А позвольте еще вопрос, Владыка. – Меня просто все куда-то несло с китовки.

– Позволяю! – милостиво разрешил Владыка.

– А вот скажите, мне, пожалста, – заплетающимся языком поинтересовался я. – Вот у вас тут, там... – Я ткнул пальцем за трон, – полные сундуки добра стоят с посудой, с кубками, с тарелками разными... А вы изволите тр-тр-трпезничать непонятно с чего? Почему так? Непорядок! Разве нельзя людям нормальные тарелки поставить, вилки-ложки раздать?..

– Нельзя! – как отрезал Нептун. – Ты, Зю, сам не понимаешь, что несешь! Вот ты подумай хорошенько. Там ведь, – он кивнул в сторону сундуков, – Музейные экспонаты хранят-

ся! Ра-ра.., сейчас, погоди, выговорю. Во: Ра-ри-теты ... Уф! А здесь, – он оглядел стол и добавил шепотом, – одно ворье! Жулик на жулике! Только выстави – вмиг все растащат по своим норкам... Нет, это никак неззя!..

Трапезничали долго, и все, как я заметил, усердно и с удовольствием налегали на молоко китиц. Около Саидки скопилось уже около сотни пустых бачков, каждый литров на пять. По окончании трапезы крабы такими же бравыми рядами вынесли стол и все, кроме меня, насыщенные и расслабленные, расселись по диванчикам и креслам отдохнуть после сытного царского обеда, который мне напомнил скорее какую-то сходку бомжей. Пустые анемоны быстренько вытащили крабы, а остатки пищи подобрали мелкие рыбешки. Во, красота! И никакой приборки не требуется!

– Ну-ка, Садко, сыграй нам что-нибудь на своих гусях, потешь Владыку, – обратился к Саидке Нептун.

Удивительное дело, Саидка, никому не позволявший себя называть иначе, с владыкой почему-то не спорил по этому поводу и не поправлял его. «Выслуживается. Ради лычки по трупам пойдет», – сделал я для себя вывод. Саидка достал из-за спины длинную палку с набалдашником на конце, с которой не расставался. Я не ошибся: это был какой-то турецкий музыкальный инструмент, я в них не разбираюсь. Он долго настраивал его, подкручивая валки на деке, и, наконец, усевшись удобнее на валуне, торжественно объявил, как настоящий конферансье:

– Домра. «Турецкий марш» Моцарта! Исполняет Саид Фаррух Абдалла-паши!

И в зале полились бравурно-печальные звуки... Странное дело: местный Садко играл на трех струнах, а казалось, что звучит целый оркестр. Призывно звали на подвиг трубы, плакала от горечи разлуки с родным домом флейта, гипнотически переливалась арфа. В их сладкий плач вклинивались ударные. Что это было? То ли под воздействием китовки, то ли какой-то массовый гипноз, то ли настроение соответствовало обстановке, то ли вся эта нереальная атмосфера навевала мелодию, дополняя звучание одинокой домры? Я видел Саидку, грустно склонившегося над одинокой домрой, а слышал целый симфонический оркестр со скрипками, альтами, виолончелями, роялем... Наверное, все-таки, гипноз... От звуков музыки мои плечи как-то сами собой расправились... Невольно в памяти всплыла торжественная атмосфера присяги, радость от маршировки, когда все мы – 1500 курсантов-первокурсников – плечом к плечу, как единое целое, один общий организм, многоголовый, многорукий и тысяченогий, неразделимый ни духом, ни телом, гордые, дружные и непобедимые вышагивали по плацу... Одно движение многоликой головы в сторону Контр-адмирала и уже гремит мощное и гордое троекратное «Ура-ура-ура!» Радость от того, что я – малая частица этого единства переполняет мою грудь. И я уже так люблю их всех, таких родных и близких: и Бадена, и Солдата, и Сашу-пантографа, и Стакана, и Баха,

и вообще всех-всех курсантов нашего родного института, с которыми только вчера мы задирались в кубрике по разным пустякам. И чего мы, собственно, делили? Ведь у нас же все едино на всех: Родина, жизнь, цель... Сейчас я так любил их, таких далеких, смелых, благородных и сильных, что готов жизнь свою и голову положить за каждого из них... И пусть только враг попробует сунуться к нам – мы все, как один, могучей стеной встанем на защиту Отечества! Не посрадим чести и достоинства Российского морского воинства! Эх, пацаны, вы мои, пацаны, где-то вы сейчас? Что поделываете без меня?

– Саидка, что-нибудь лирическое...

– Про любовь, про любовь спой нам Саидка... – наперебой верещали Нептуновы дочери, когда марш победно закончился.

Саидка сыграл им Полонез Огинского, Лунную сонату Бетховена, что-то из Сен-Санса. Русалки под его сказочную музыку грациозно и плавно извивались, переливаясь серебром. «Это, наверное, у них танцы такие» – догадался я. Создавалось впечатление, что я смотрю какой-то волшебный, чарующий балет...

– Еще-еще, – просили русалки.

Даже я не утерпел:

– Саидка, а что-нибудь из Рамштайна сбавать можешь?

Саидка ничего не объявляя нам, прямо-таки обнялся со своей домрой и запел-заплакал что-то из своего, националь-

ного: какую-то грустную-грустную турецкую песню про родной дом и несчастную любовь. И так это у него душевно получалось, что сердце щемило, а слезы сами наворачивались на глаза. Я слушал Саидку и думал про Юленьку. Я представлял, как она будет приходить к морю каждый день, вглядываться вдаль и ждать меня долгие-долгие годы напролет... А потом состарится в одиночестве, и ей даже некому будет рассказать про ее вечную любовь и верность. Совсем, как Юнона...

Клевый концерт получился, ничего не скажешь! Я даже забыл про время, а оно неумолимо тикало, хотя на моих часах оно тикало назад, но время до ссылки, или до принятия командования оставалось все меньше и меньше. Надо было что-то думать...

– Притомился я что-то, – проговорил прикемаривший под восточную надрывную песню Нептун, – пора на боковую... Хорошо посидели. Спасибо тебе, Садко, ублажил старика. Ну, ладно, я – в опочивальню, а вы, – он оглядел своих дочек, – можете еще немного погулять. Но, смотрите мне, чтобы не допоздна и без разных там глупостей, поняли? И чтобы во дворце – ни звука. Кто нарушит мой покой – посажу на электрического ската.

И, пошатываясь, нетвердой походкой отправился в глубь дворца.

Русалки, радостной стайкой, поплыли на выход. Отстав от них, пока Саидка вешал на место свою домру, выплыли за

ними вдогонку и мы.

– Слушай, Саидка, будь другом, уведи их куда-нибудь на минутку, – кивнул я в сторону русалочьей толпы, когда мы отплыли от дворца на приличное расстояние, и стало уже не так светло.

– Что такое? – подозрительно глядя на меня, удивился Саидка. Видно, ему было дано тайное задание, чтобы я ни в коем случае не откалывался от коллектива.

– Да, тут такое дело... – замялся я. – Мне до ветру, (или до волны? Не знаю, как правильно сказать) надо бы...

У меня и в самом деле от молока с капустой так урчало в животе, а все кишки, казалось, уже скрутились в канат.

– Ну ладно, давай, – смилостивился Саидка. – Мы тебя вон за тем валуном подождем, – указал он на подводную скалу. – Только ты, смотри, недолго.

И он, присоединившись к стайке русалок и что-то пошептав им, на что те начали противно хихикать, заплыл с ними за скалу.

Я огляделся вокруг. Куда бы присесть? Увидев расщелину в скале, примостился к ней. В самый интересный момент я вдруг услышал какой-то тихий звук, словно кто-то за спиной у меня щелкал ножницами, совсем как в парикмахерской. Я оглянулся: ко мне неслышно подбирался огромный краб, угрожающе примериваясь, чтобы такое у меня можно оттяпать своими клешнями.

– Ты чего?! – заорал он на меня, увидев, что обнаружен. –

Залез ко мне в дом, да еще и гадить собираешься?! – и он заметно прибавил скорости в мою сторону. Пришлось мне срочно менять дислокацию. Выбирать место у меня уже не было времени, и я решил устроиться в каком-то кустарничке, произраставшем прямо из мягкого, желтого песочка... Стоило мне только спустить штаны, как меня сразу же кто-то начал усиленно кусать и щипать по всей площади моего оголенного тела...

В детстве, как я уже говорил, я очень увлекался биологией, мечтая стать хирургом, и мама, одобряя мой выбор, прямо-таки заваливала меня книжками из жизни природы... Приглядевшись повнимательнее, я даже вспомнил картинку из одной такой книжки: сады угрей, которые можно принять за растения. На самом деле эти самые угри прячут свое тело в песчаных норках, а голову поднимают высоко над морским дном, глотая проплывающую мимо добычу. Я как раз и уселся в такой садик. А они по простоте душевной, видимо, приняли меня за добычу. Опять мне пришлось срочно менять дислокацию. Отбившись от щиплющихся, как гуси в деревне у бабушки угрей, я на полусогнутых отполз на безопасное расстояние. Меня уже так прижало, что я присел, где пришлось. Это было очень неосмотрительно с моей стороны, так как моментально к моему «днищу» что-то мощно прилипло. Я встал и попытался заглянуть себе между ног, но увидел лишь какой-то вихляющий, видимо от радости, рыбий хвост. Не скрывая своего раздражения, и поливая на чем свет сто-

ит морское царство, где не могут даже туалетов нормальных построить, я ухватился за этот хвост и рванул его на себя... Рыба прилипла еще сильнее... Я дернул еще несколько раз, но чем больше я дергал этот хвост, тем сильнее прилипала эта рыба к моему днищу. Что же, прикажете, так и ходить теперь с ней? У, прилипала, несчастная! Прилипала?! Спасибо тебе, мамочка, родная ты моя! Именно так и называется рыба с овальной вакуумной присоской на спине вместо плавника. Если верить опять той же самой детской книжке, эта присоска у нее устроена так, что прилипала может отделиться от своей жертвы, двигаясь только вперед. Значит, надо ее тянуть не за хвост, а за морду! Я изогнулся назад, разглядывая свой тыл. Мне даже показалось, что она радостно ухмыляется, подмигивая мне одним глазом. Недолго думая, я схватил ее за наглое рыло и потянул. Рыба действительно отделилась! Я с чувством удовлетворения зашвырнул ее в сад угрей и на сей раз спокойно закончил свои сугубо интимные дела.

Русалочки в мое отсутствие явно заскучали с Саидкой.

– Ну что ты так долго, Зю?..

– Зю, где ты пропал? – капризно дули они губки.

– Обстоятельства, – туманно ответил я, не вдаваясь в подробности.

Русалки окружили меня плотной толпой и начали засыпать вопросами. У них не было возможности сделать это во дворце, зато сейчас они меня взяли в такой оборот!.. Сначала

ла мне это даже льстило: совсем, как кинозвезда, окруженная фанатами. Только автографы не раздаю.

– Зю, а у вас девушка есть?

– А она красивая?

– А вы с ней целовались?

– А какие шляпки сейчас в моде?

– А что вы в институте делаете?

– А вы в любви уже признавались своей девушке?

– А где вы живете?

– А кто ваши родители?

– А какая у вашей девушки прическа?

Я уже откровенно злился: вопросы их были бесконечны и глупы. Я не успевал отвечать на них, если еще учесть, что русалок было сорок, а я – один. Они беспрестанно дергали меня за рукава фланки, пытаясь завладеть моим вниманием. Еще минута и фланка превратилась бы в безрукавку, а я – в Венеру Милосскую... Положение вовремя спас Саидка.

– Так, отставить все вопросы! – совсем по-военному командовал он русалкам откуда-то из-за толпы. – Предлагаю на бега!

Это оказался хороший отвлекающий маневр: вся эта гомонящая толпа вмиг перекинулась на Саидку. Но тому, видно было не привыкать к такой ситуации.

– Вперед! – командовал он.

– На бега, на бега, на бега! – заверещали русалки наперебой, хлопая в ладоши и, сбившись в крепкий рыбий косяк,

двинулись в путь, опережая нас с Саидкой. Мы едва поспевали за ними. Вообще скорость плавания у русалок была намного большей, чем у нас. Вот бы кому нормативы сдавать!

«Эх, тральщика на вас нет!» – добродушно подумал я.

– Какие еще бега? У вас, что ипподром есть? – спросил я у Саидки, уже ничему не удивляясь.

– Конечно.

Мы снова плыли в сторону мелководья. Это я определил по проникавшему сквозь толщи воды свету и опять же по окраске рыб, окружавших нас. Кроме того, мы плыли той же дорогой, что и во дворец. Я уже немного ориентировался на местности, и без труда узнавал, примеченные мною валуны, небольшие скалы, пещеры, гроты...

– Слушай, Саидка, а ты не пробовал отсюда выбраться? Неужели никакой лазейки нет? – решил я прощупать почву.

– Есть одна лазейка... Я попробовал в свое время, – по-мрачнел Саидка. – Только из этого ничего хорошего не вышло.

– Расскажи, – попросил я. – Может быть, мы с тобой вдвоем что-нибудь придумаем?

– Мне и здесь неплохо. – Вдруг окрысился Саидка.

– Да ты что, – удивился я, – неужели тебя на землю совсем не тянет? Это же Родина твоя!

– А что хорошего я на этой родине видел?

– Ну, тут ты не прав, – возразил я. – Родину, как и родителей, не выбирают. Отказаться от Родины, все равно, что от

старых родителей отказаться.

Саидка угрюмо молчал, а при упоминании о родителях даже отвернулся от меня. Я понял, что перегнул палку, и решил сгладить гнетущую обстановку:

– И даже на солнышко не тянет?

– Сначала очень тянуло, а потом как-то привык. Я ведь уже пять лет здесь живу...

– Сколько?! – удивился я. – Ну, ты даешь!

– Ладно, – смилостивился надо мной Саидка. – Расскажу.

Он остановился и внимательно огляделся вокруг.

– Ты чего? – удивился я его странному поведению.

– А того – уши здесь кругом – шпионы Нептуновские так и шныряют... Поплыли вон к той пещерке. Там старая Мурена живет. Она сама глуховата, а рыбешки не подплывут близко – побоятся ее. Там и поговорим с тобой.

– А как же русалки? Не потеряют они нас? – засомневался я.

– Нет, – усмехнулся Саидка. – У них теперь голова только бегами забита.

– Слушай, а что, самые настоящие бега? – поинтересовался я.

– Про бега потом. Времени в обрез.

Мы подплыли с ним к пещерке, в которой жила Мурена, и устроились на небольшом валуне неподалеку от входа.

– Слушай, – начал Саидка, понизив голос так, что мне приходилось напрягать слух. – Помнишь, Нептун тебе на

аудиенции про Посейдона мозги парил?

– Ну? Я еще удивился, как это он сам с собой воевать собирается... – тоже шепотом начал возмущаться я.

– Да подожди ты с этим Посейдоном! Слушай сюда. Врет он все про него, гонит. Тут дело совсем в другом. Просто не хочет он тебя пока в курс дела вводить, не доверяет. Есть тут, понимаешь, один мужик. – Саидка опять огляделся вокруг, и не заметив ничего подозрительного, продолжил шепотом. – Правильный мужик, я тебе скажу. Черномором зовут.

– Как?! – вытаращил я глаза, как оглушенная толлом рыба.

– Черномором, – повторил Саидка. – Он себе приличную банду сколотил: тридцать три тела при нем. Качки, я тебе скажу, еще те! Крутые ребята! Вот с ними-то Владыка и собирается воевать, а вовсе не с каким Посейдоном, понял? Скажу больше: у этой банды есть прямой выход на землю.

– Вот оно! – От радости я даже в ладоши хлопнул.

– Подожди радоваться, тут не все так просто. – Продолжал нашептывать мне Саидка. – Все дело заключается в том, что этот самый Черномор не желает подчиняться Владыке морскому. Отделился от Подводного государства.

– Как это отделился? – не понял я.

– Республику какую-то свою организовал. Арт... акт..., нет, не так. Какую-то авт... – пытался вспомнить Саидка.

– Автономию, что ли? – подсказал я.

– Слушай, откуда ты все знаешь? – искренне удивился Саидка.

Я скромно промолчал.

– Не желаю, говорит, подчиняться вашим рыбьим законам, и все тут, – торопливо продолжал нашептывать мне на ухо Саидка. – Нептун ему для каждого его молодца и русалку в жены сулил и богатства несметные из своих сундуков. А Черномор ото всего отказался. Не нужны, говорит, мне твои рыбины белоглазые!..

– Так это же только плюс для нас! – Радовался я. – Все складывается как нельзя лучше! Значит, делаем так: переходим на сторону Черномора, выходим вместе с его молодцами на землю, когда они в свой дозор пойдут, а там – дадим деру. Только они нас и видели!

– Ха! – засмеялся моей наивности Саидка. – Так самое сложное именно в том и состоит, как до этих ребят добратся.

– Почему?

– Да потому что Нептун все границы вокруг их непризнанной республики так обложил, что даже аквариумная рыбка не проплывет.

– А зачем?

– Как зачем? – воззрился на меня Саидка. – Чтобы смуту в Подводном государстве не сеяли, крамолу среди морского населения не распространяли. А то, на них глядя, и другие откажутся Нептуну подчиняться, а еще хуже – отделиться захотят, республик своих захотят наделать...

– Неужели все так безнадежно? – не хотел сдаваться я.

– Совершенно. – Заверил меня Саидка. – Я, ведь, не хуже тебя, сразу, как только сюда попал, случайно, от одной мелкой рыбешки узнал об этой республике, и, естественно, тоже попытался перебежать к этим ребятам.

– Ну и что?

– А то, что меня тут же схватили и потащили к Нептуну на расправу. Хорошо еще, что живой из всей этой заварухи вылез. Ты не смотри, что Нептун с виду добренький старикан. Не дай Бог его чем-нибудь прогневить – кранты! Я еще удивляюсь, как он меня тогда сразу в Сибирь не сослал. Пожалел, наверное.

– Какую Сибирь? Ах, ну да! – Вспомнил я угрозы Владыки про Северо-Ледовитый океан. – А что он с тобой сделал?

– Целый год я у него в опале был. Хуже раба пахал – с утра до ночи дворец чистил, на кухне рыб потрошил, китиц доил. В общем, чего только я не делал! А с ночи до утра пятки Владыке чесал, чтобы ему слаще спалось. Одним словом – не жизнь, а каторга. Да еще акул штук семь ко мне приставил. Шаг влево, шаг вправо – считается побег. А тем, сам понимаешь, палец в рот не клади! Вот, только домра меня и спасла. – Он вывернул ее из-за спины и с нежностью погладил.

– Как это? – удивился я.

– Мы, когда на рифы налетели, я как раз на палубе сидел и играл на ней. Так вместе с ней под воду и пошел – не хотел ее из рук выпускать. Это единственное, что у меня было на земле, – горько вздохнул Саидка. – Ну, и вот, как-то раз устал

я очень, сел в уголок и запел о своей горькой доле. А Нептун услышал... Ну, и сменил гнев на милость. Перевел меня на досрочно-условное заключение. Пять лет впаял. И ни под какую амнистию не попадаю. Теперь, пока срок свой не отмотаю, ни о какой женитьбе разговора быть не может. И с работой все каналы мне перекрыл: только в сфере обслуживания разрешено работать. Уж я стараюсь, из кожи вон лезу, чтобы ему угодить, а он так до сих пор и не доверяет мне. Канцелярию вот только и доверил... – опять горько вздохнул Саидка. То ли оттого, что Нептун ему не доверяет, то ли от своей горькой доли.

– Канцелярию? – удивился я, второй раз услышав про этот таинственный отдел. – А что, у вас еще и документация какая-то ведется, или переписка?

– Нет, просто, все, что в море выбрасывается в качестве мусора, я подбираю и сортирую. Ну, там что почитать еще можно, а что просто на уничтожение. Мусорщик, одним словом, просто название красивое. С тобой ему проще будет. Ты человек военный. Как только примешь командование его армией, значит, автоматически присягнешь Нептуну на верность, и уже никуда не денешься, будешь служить ему верой и правдой.

– А вот хрена ему моржового, а не присягу! – Обозлился я. – Я своей Родине присягал, а солдат дважды не присягает! Это уже предательство! Стану я какому-то чуду-юду морскому присягать! Не дождется! – разорался я.

– Да тише ты! Чего разорался? – Дернул меня за рукав Саидка и глазами указал на пещеру.

Оттуда уже торчал любопытный нос здоровенной, судя по носу, мурены. В тот же миг, заметив, что обнаружена, она броском выстрелилась в нашу сторону, раззявля при этом свою пасть. Саидка не растерялся, и так звезданул ей промежду глаз, что она тут же перевернулась кверху брюхом. Мы поторопились ретироваться.

– Плохо! – отплыв на приличное расстояние, хмуро бросил Саидка на плаву.

– Что плохо? – уточнил я.

– Плохо, если эта старая тварь что-нибудь слышала. Непременно донесет Владыке.

– Может, не слышала? Ты же сам сказал, что она глухая.

– Я здесь уже никому не верю. И тебе не советую. Здесь у каждого камня – уши.

«Ну, опять завел свою пластинку! Все-то его подслушивают, выслеживают. Просто мания преследования какая-то у человека!» – подумал я.

– Саидка, все хочу тебя спросить, что это вы здесь все такие волосатые ходите? Мода что ли такая у вас? Или ножниц нет? – спросил я его, чтобы сменить тему. Так всегда делает мой папа, когда его мама за что-нибудь отчитывает.

– Да ножниц-то полно, только они все ржавые. А крабов просить не хочется – изуродуют, как Бог черепаху, мама родная не узнает, а то, чего доброго, еще и лишнее что-нибудь

оттяпают...

Тут, насколько я понял по скоплению верещащих и радостно возбужденных русалок, мы подплыли к ипподрому...

* * *

Ипподром был делом рук Саидки: он отгородил по дну морскому камнями площадку, где-то пять на десять метров, разметил внутри его водорослями шесть дорожек. Получилось небольшое поле, нечто вроде наших тараканьих бегов, только побольше размером, и вместо тараканов по этим дорожкам сейчас носились, как угорелые, морские коньки, поднимая облака ила. Зрители, как им и полагается, делали ставки на каждого из коньков. Деньгами для расчета служили жемчужины. И хоть на дне морском их можно было за просто набирать горстями просто так, безо всякой игры, все-таки азарт на бегах присутствовал, да еще какой! Русалки вопили, как резанные, болея за своих коньков, на которых поставили жемчужины, и чуть ли не вцеплялись друг дружке в волосы, если считали, что судья – Саидка, явно подсуживает кому-то. Вообще, вели себя недостойно девицам, да еще и аристократического происхождения. Нам с Саидкой приходилось то и дело растаскивать их. Лучше бы хороводы водили русалочки, как утопленницы у Гоголя, да песенки какие-нибудь грустные пели, чем визжать и драться на бегах, как пьяные мужики в кабаке...

Я тоже немного поиграл, для начала ставя на тех же коньков, что и Саидка. И даже умудрился каким-то непонятным

образом выиграть приличную горсть жемчужин, которую су-нул в карман. Но, так как я не знал спортивных качеств каж-дого конька, в отличие от русалок, то ставил просто на удачу. Вскоре мне надоело тыкать пальцем в небо, да и что-то устал я сегодня ото всего навалившегося на меня. Саидка, глядя, как я стал все чаще и чаще зевать, наконец, сообразил:

– Так, девочки, вы поиграйте без меня, а я отведу нашего гостя на покой.

– Куда мы? – у меня уже не было сил даже на разговоры.

– Ко мне, тут недалеко.

Действительно, Саидкин дом находился рядом, минутах в пяти плавания от ипподрома, хотя на дом это тянуло с натяж-кой. Это был всего-навсего небольшой, уютный грот. Разгля-дывать его у меня уже не было сил. Видно, для меня насту-пил самый настоящий отбой, я даже не стал смотреть на свои часы, все равно ничего не пойму. Саидка указал мне на «кро-вать»: нечто, застеленное ворохом водорослей, и я, как был, так одетым и бухнулся и блаженно вытянулся на ней. И тут же провалился во что-то мягкое, сладко обволакивающее...

– Слушай, Саидка, а сейчас день или ночь, как ты дума-ешь?

– Ночь, конечно, – нисколько не сомневаясь, ответил Са-идка.

– Как же ты в этом разбираешься? – зевая, поинтересо-вался я.

– Ну, это очень просто: во-первых, темнее стало...

– Какое там, темнее! Когда вокруг разные светящиеся организмы плавают! Такое освещение, что и не разберешься: то ли день, то ли ночь...

– А во-вторых, прилив уже прошел...

– Какой прилив? Я даже и не понял ничего, – признался я.

– Я сначала тоже ни отлива, ни прилива не чувствовал.

Поживешь, научишься.

– А допустим, месяц, год как вы тут определяете? – засыпая поинтересовался я. – Исчисление времени в общем плане, так сказать...

– Этим у нас только Владыка владеет. А каким образом он это делает, мне про то не ведомо. Сам нам сроки назначает, и сам же и объявляет, когда срок заканчивается. Может быть, так оно и лучше. По крайней мере, не ждешь, высчитывая сколько дней осталось... Да, еще вот говорит, когда Новый год приходит...

Дальше я уже ничего не слышал. Я крепко спал. Мне снился сон, что в канун Нового года, утречком, мама на нашей кухне печет мои любимые субботные блины. Почему субботные? Если вы думаете, что мама печет их только по субботам, то вы ошибаетесь. Мама печет их вообще-то, когда ей это вздумается, но почему-то для меня с детства блины казались самыми вкусными именно по субботам. Так вот, мама напекла этих самых субботных блинов. И я сижу на нашей кухне и уплетаю их, дымящиеся, масляные, посыпанные сверху сахарным песком, который приятно похрустывает на зубах. Я

их все ем и ем, и ем, и никак не могу насытиться (наверное, потому что очень голодный был после царской трапезы). И тут забегает к нам мой дружок Андрей и зовет меня на улицу – погонять мяч. Но мама почему-то не пускает меня с ним, а упорно заставляет читать. Мне совсем не хочется этого делать. Что я, рыжий что ли? Все пацаны гоняют в футбол, а я должен сидеть и читать эти дурацкие книжки. А мама все пристаёт и пристаёт, и сует мне чуть ли не в нос какую-то книжицу, и опять же про подводный мир.

– Читай, говорю тебе, – уже чуть не кричит она на меня. – Тебе это больше в жизни пригодится, чем твой безмозглый футбол!

– Мам, ну я только часок побегая, потом приду и почи-таю, – канючу я.

– Нет, – не сдаётся мама, – давай сделаем все наоборот: часок почитай, а потом пойдешь погуляешь.

Еще минут пятнадцать мы с ней препираемся, но мама, как всегда побеждает. Конечно, у кого власть – у того и сила! И я, разобиженный на весь белый свет в лице мамы, сажусь читать. Книга почему-то сама открывается на странице, где изображена прилипала. Я внимательно прочитываю все, что написано про нее, захлопываю книгу, и радостно кричу:

– Все, почитал! Теперь можно на улицу?

– Прочитал? – мама почему-то не уточняет, что именно я прочитал.

– Угу.

– Ну, вот и хорошо, теперь можешь и побегать, – снисходит, наконец, мама.

И я, счастливый и радостный, бегу на улицу. Оказывается, как мало нам надо для счастья! Всего лишь побегать под теплым солнышком, потопать ногами по земле... А мы чаще всего этого совсем не ценим.

И тут меня разбудил биологический будильник. Вообще надо сказать, что за два года учебы-службы в институте, я отучился спать мертвецким сном. Бесконечные наряды и караулы, где приходится спать, меняясь каждые два часа, сделали свое подлое дело, и я теперь запросто могу встать среди ночи и спокойно бодрствовать часа два-три, а потом завалиться в любое время суток и спокойно дрыхнуть. Это я к тому, что просто не могу с твердой уверенностью сказать, сколько я проспал, или, допустим, что я проснулся утром. Я просто проснулся, встал и хотел, было, уже выплыть из Саидкиного домика по своей надобности, но не тут-то было! Вход охраняла страшная зубастая акула с голливудским оскалом. «Замуровал! – недобро подумал я про Саидку. – Ну, и черт с тобой, тебе же хуже будет». Я помочился в уголке грота, и опять завалился спать.

Саидка еще не было. Видно, не впусую вчера перемигивался с русалками. Ну, и фиг с ним. Хоть отосплюсь нормально. А потом на свежую голову буду думать, что мне делать дальше.

Но отоспаться мне не суждено было. Едва я заснул, меня

разбудил Саидка. Он тормозил меня, что было мочи, а я отбрыкивался от него руками и ногами.

– Да вставай же, Зю! – булькал он на всю пещеру. – Ну, и горазд же ты спать! Владыка призывает!

– Что, уже три дня прошло? – обеспокоился я.

– Нет, еще не прошло, – захохотал Саидка. – Радость у нас великая сегодня! Владычица морская осчастливила: русалочкой разродилась! Владыка по этому поводу пир великий устраивает, всех зовет!

– А ну, это совсем другое дело! Пяточки что ли обмыть? – потянулся я. – А то очень кушать хотца.

– Какие пяточки? – растерялся Саидка. – А-а-а, ну да, в смысле, плавнички.

– Как назвали девочку? – поинтересовался я.

– Лингвастрия.

– О, Господи! – невольно вырвалось у меня.

– Ты чего?

– Хорошее имя, говорю, красивое очень. Лингвастрия!

Если у меня дочка родится, тоже так назову.

Я немного привел себя в порядок: благо, умываться не надо, а бриться нечем. Хорошо Саидке: у него борода почему-то не растет. Видать, вся волосатость на голову перешла, а у меня вот уже щетина вылезла. Так что может быть, очень скоро я тоже буду волосатый, как Нептун.

Мы с Саидкой опять плыли во дворец. Я все лучше и лучше ориентировался в окружающей обстановке, примечая ви-

денные вчера валуны, узнал и скалу, и сад угрей около нее...

Во дворце уже вовсю шло гульбище. Видать, еще с ночи начали гудеть. Столы на крабьих ножках только успевали меняться, таская все новые горы закусок. Из проема нескончаемой вереницей ползли крабы поменьше, волоча на себе пятилитровые бачки-анемоны с местной горилкой. На пустующем еще вчера троне, предназначенном для матушки Владычицы морской, восседала,.. нет, не так. Восплавала,.. нет, тоже не подходит. Воспаряла,.. нет, то же не то... Короче, скажем так: находилась довольно-таки дородная, располневшая крупная золотая рыбина с золотой же короной на голове. Она вся так сияла от изобилия золота, что на нее было больно смотреть: глаза резало от нестерпимого блеска. Я думал, что такое возможно только в кино, когда открывают ларцы с кладом. Но она тут, передо мной вся прямо-таки переливалась и горела ярким золотым пламенем! Владычица была не такой уж и маленькой, как ее изображают в Сказке о рыбаке и рыбке. Размером, так скажем, с хорошего дельфина. И как только немощный Пушкинский дедок умудрился ее вытащить своим неводом? Кроме золотого блеска, была во Владычице какая-то чисто женская изюминка: кокетливо-лукавый взгляд, брови дугой, очень сексапильные полные губки. И самое главное – не было в ней этой чрезмерной волосатости, которая досталась ее дочкам по наследству от батюшки. Интересная женщина, ничего не скажешь. Да, вкус, надо признать, у Нептуна, отменный! Дочки явно не в

нее пошли, а в своего волосатого и грубовато отесанного папашу. И хоть были они росточком все, как одна, повыше Золотой Рыбки, но не было в них ее царственного достоинства и вместе с тем неповторимой мягкой женственности. Владычица на их фоне выглядела этакой царственной матроной, а русалочки рядом с ней – деревенскими простушками. А глаза! Хоть они и были слегка навывкате, как у любой нормальной рыбины, но были такого небесно-голубого, прямо неестественного цвета, огромные, в пол ли., в пол мор..., короче, огромнейшие такие глазищи с выражением почти детской наивности и доброты, окаймленные темными, длиннющими и пушистыми ресницами. Казалось, что если она ими сейчас заморгает, то непременно, взмоет к потолку, как бабочка на крыльях...

После официального знакомства с Владычицей и церемонных извинений и сожалений по поводу несостоявшейся вчерашней аудиенции, мы с Золотой Рыбкой присоединились к ликовавшей компании. Угощение было таким же богатым и малосъедобным для меня, поэтому я, как и вчера, крепко налегал на «китовку».

– Ешь, – по дружески пихал меня под бок Саидка, – а то окосеешь совсем...

– Да, у меня, понимаешь, такое дело... После всей этой еды расстройство желудка.

– Понимаю, сам через все это прошел. Ничего, недели через две все нормализуется. Организм привыкнет. А-дап-та-

ци-онный период – обнадежил он меня.

«Через две недели моего организма, как такового, уже и в помине может не быть», – горько подумал я, и по этому поводу еще больше приналег на китовку.

Через некоторое время Владычица, к сожалению, вынуждена была покинуть нашу дружную теплую компанию, в которой кроме меня, Саидки и русалок было огромное количество дельфинов, осьминогов и прочей морской живности. Прощаясь с Владычицей, я, уже изрядно поднабравшись к тому времени, довольно фамильярно обратился к ней:

– Позвольте обл-обл-облыбызать Вашу ручку!

На что она благосклонно протянула мне свой золотой плавник.

– Скажите, пожалуйста, а Вы, правда, можете выполнить любое человеческое желание, как в сказке со стариком? – поинтересовался я.

– А ты что, Зю, меня уже в свой невод поймал? – довольно двусмысленно спросила она, многозначительно потрепав меня при этом своим изящным плавником по щеке.

Я ошалело вытаращил на нее глаза, а потом невольно покосился на Нептуна. Не заметил ли этой вольности Владыка?

– Ха-ха-ха, – окровенно рассмеялась над моим неприкрытым страхом Золотая Рыбка. – А ты, оказывается, еще и трусишка, глупый, маленький Зю!

– Простите, Ваше Владычество...хм, гм, – забормотал я, совершенно сбитый с толку ее явным кокетством со мной.

Нет, я конечно, уже давно не маленький мальчик, и не понаслышке знаю о том, что многие дамы преклонного возраста в целях продления молодости ищут себе любовников-мальчиков. Даже у нас в институте один такой Казанова-герантофил нашел тетеньку, которая взяла на себя все его материальные проблемы в обмен на ее вторую молодость. Но одно дело Питерская сумасбродная тетенька, хоть и богатенькая, а тут – сама Владычица морская! Честно говоря, я никак не ожидал подобных шалостей от царственной особы, а потому совершенно растерялся и даже не представлял, как себя нужно вести в подобной ситуации.

– Да могу, могу я исполнять желания. – Смилоствивилась она, наконец, надо мной, видя мое душевное смятение. – Только твоего желания я не буду исполнять. И так знаю, чего ты хочешь – на Землю попасть всеми правдами и неправдами. Чего-нибудь другого пожелай, может быть, и исполню.

– Блинчиков бы мне, маминых, – попросил я первое, что пришло мне в голову.

И только успел я это проговорить, как на стол передо мной бухнулась сковородка накрытая каким-то полупрозрачным колпаком – что-то вроде огромного рыбьего пузыря, с горкой томящихся под ней в масле румяных блинов, от которых даже сквозь колпак исходил горячий душистый парок.

– Ух, ты! А как бы мне еще и покурить, а? – не отрывая взгляда от блинов и глотая слюну, пробормотал я.

– Минздравсоцразвития России предупреждает: курение

вредит Вашему здоровью! – усмехнувшись, процитировала надпись с сигаретной пачки Золотая рыба.

– Ну, хоть одну сигареточку, – заканючил я, – Два дня уже без курева, уши трубочкой свернулись, а? Будьте так милосердны, уважьте бедного курсанта, Ваше Владычество!

– Не приставай, курсант. Курить – здоровью вредить! – непрерываемым голосом моей мама, проговорила она. – Ну, будь здоров, Зю! Надеюсь, еще свидимся, – и она, кокетливо вильнув хвостом, удалилась в свои покои.

Я с большим удовольствием навернул блинов, которые на пробу оказались самыми, что ни наесть, настоящими, мамиными субботними блинами. Я, конечно, поделился ими с Саидкой. И даже Нептуну предложил, но он почему-то отказался, сославшись на то, что не может есть жирной пищи.

– Печень, понимаешь ли, пошаливает.

Я думаю, столько пить! Какая печень такое выдержит! Когда был доеден последний блин, сковородка сама собой куда-то исчезла. Я даже не заметил этого момента, хотя старался не спускать с нее глаз.

Сегодня, честно признаюсь, мы с русалками набрались, почище, чем вчера, а Нептун, так тот вообще на карачках уполз из-за стола в свои покои, разбросав, где попало, свой трезубец и корону. Вообще, я заметил, что пьет тут поголовно все население, и ничуть не меньше, чем у нас, на суше. Сползая с трона, Владыка милостиво обратился к нам:

– Молодежь–ик, вы тут–ик, еще погуляйте–ик... А я по-

плыл-ик!

Саидка рачительно прибрал корону и трезубец, и волоком оттащил их в покои Владыки.

После ухода Владыки мы еще долго и плотно посидели за столом, а потом опять отправились на бега. Видимо, других развлечений Саидка пока еще не придумал. Скучновато живут! По дороге на ипподром, я спросил Саидку:

– Команда «оправиться» будет, или как?

Саидка громогласно и пьяненько пробулькал:

– Девочки, объявляется небольшой технический перерыв.

Вам – налево, нам – направо.

И все расплылись по разным сторонам. Мы с Саидкой тоже отплыли друг от друга на значительное расстояние, чтобы не смущать друг друга и не отвлекаться на разговоры. Сегодня я, перед тем, как устроиться, внимательно осмотрел дно там, где собирался приземлиться, нет, примориться, короче говоря, присесть... Я сидел и мучительно старался что-нибудь придумать насчет побега, но в мою пьяненькую голову ничего не перло. Тут я увидел, как маленький гребешок пытается смыться от настигающей его морской звезды. Он, бедолага, вытаращил от ужаса свои голубые глазенки и шлепал-шлепал по воде своими створками, пытаясь увеличить скорость, но без всякого успеха... Я взял его в руки:

– Что, попался, дружок? Вот так, наверное, и меня здесь очень скоро кто-нибудь слопает, и никто этого даже и не заметит, – вздохнул я.

И вдруг я заметил, что внутри запыхавшегося гребешка что-то неярко блеснуло.

– Ну-ка, дружок, открой ротик – летит самолетик! Что это у тебя там такое?

Я залез пальцем между створок, пошарил, пошарил внутри, и... вытащил! Что бы вы думали, я вытащил из этого гребешка? Ни за что не догадаетесь! Золотой ключик!!! Настоящий, тяжеленький и благородно поблескивающий совсем, как Владычица морская. Вообще-то он представлялся мне намного больше, судя по иллюстрациям из детских книжек и кино. На самом же деле он был такого размера, как, скажем, ключик от серванта, или от маминого шифоньера, но только чисто золотой. На нем даже клеймо пробы стояло. При виде его у меня в мозгу кометой промелькнула какая-то мысль, но так как скорость ее была слишком велика для моего отуманенного алкоголем рассудка, я не успел ухватить ее за хвост. Понял только, что это каким-то образом касалось моего спасения. Ладно, попозже разберемся, когда немного посветлет разум. Я положил ключик в нагрудный карман фланки, туда, где хранился мой военный билет. Кстати, что у меня с билетом? Я вытащил военник, раскрыл его, посмотрел на него с ужасом, и плюнул от злости и досады, потому как то, что от него осталось, уже трудно было назвать военным билетом. Он был весь разбухший от воды, в черных разводах. Как еще фотография не отклеилась? Представляю, какой будет скандал в канцелярии института! Как я объясню это безоб-

разие командиру роты? Хотя, чего мне объяснять? Все видели, как я бултыхнулся в море. Да, только никто не видел, как я оттуда выбултыхнулся. Придется писать рапорт на замену военника. Да, не везет мне с военником, это факт. То отчетство вместо Георгиевича, записали Григорьевич, а теперь – еще лучше! Я с трудом засунул разбухший от воды военник обратно в карман и застегнул его на пуговичку, чтобы не потерять.

По дороге на ипподром, отстав от русалок, я начал приставать к Саидке:

– Слушай, Саидка, а черт бы с этими русалками! Давай, лучше сгоняем с тобой на границу, а? Может быть что-нибудь надыбаем?

– Тише ты! – зашипел на меня Саидка. – Забыл, где находишься? Ты пока еще поднадзорный!

– Как это?

– А вот так! – Саидка кивнул головой назад.

Я оглянулся. Недалеко от нас вместе с нами остановился маленький такой, на первый взгляд совершенно неприметный, косячок мелких рыбешек. Среди многоцветья ярких, празднично окрашенных мелководных рыбок, они выделялись серостью окраски и угрюмостью морд. И как это я их раньше не замечал? Хотя, если они постоянно держатся в тени, то их очень трудно обнаружить. Саидка громко крикнул в их сторону:

– А вы почему до сих пор не во дворце? Слово Владыки

вам не указ? Сегодня гуляют все!

Косячок резко развернулся на сто восемьдесят градусов и быстренько улетел в сторону двorca.

– Сколько тебе говорить, что здесь кругом – сплошные доносчики. – Недовольно принялся отчитывать меня Саидка.

– Ну, не привык я еще к вашему образу жизни. – Развел я руками в оправдание. – Ну что, рванем на границу?

– Ну, уж нет, туда я больше не пловец.

– Ты что, сдрейфил? – Подковырнул я его.

– Нет. Просто знаю, что все это бесполезно. Кроме неприятностей на свою голову ты там ничего не найдешь. Нечего там делать – сплошная безнадега.

– Ты все сказал? – обозлился я на него.

Саидка помолчал, словно не решаясь, говорить, или не говорить. Потом махнул рукой и выдал:

– Я тут думал, думал...

– И чего же ты надумал? – с надеждой, что он предложит какой-то новый план побега, спросил я.

– А чего я вообще не видал на земле?! Нищету? День и ночь паши, как ишак, а денег на калым все равно за всю жизнь не соберешь. Даже если и соберешь, женишься, а дальше что? Опять жить в нищете, и таких же нищих плодить? А здесь ни денег никаких не надо, ни калыма. Вон, погляди, сколько красавиц – выбирай любую, целый гарем! Нептун обещал мне одну из них в жены отдать, как только срок отмотаю. Вот никак выбрать не могу... Нет, не хочу я

пока никуда отсюда перебираться. Опять же – у меня тут работа интересная, зарплата достойная, уважение, почет, перспектива роста...

«Эх ты! – Горько подумал я, – край родной на хвостатых баб променял»!

– И Нептун – в общем, мужик, неплохой! – продолжал Саидка. – Если ему не перечить, так одно удовольствие с ним работать. Своих никогда не обижает. Так что мой тебе совет – иди-ка ты, лучше Зю, в Министры, и не рыпайся.

Я промолчал, хотя все внутри меня клокотало. «Подхалим рыбий! Не дожدهшься! Врагу не сдается наш гордый Варяг»!

– Ладно. Ты сам выбрал себе дорогу, – только и сказал я ему. – Надеюсь, хоть Нептуну не заложишь?

– Ты что, Зю! За предателя меня держишь? – Обиделся Саидка. – Это, может быть, у тебя жизнь на земле была лучше, что ты так рвешься туда, а у меня... – он горько махнул рукой. – Что мне там делать? Возвращаться в кибитку, где кроме меня семеро голодных братьев и сестер, которым ничего, ровным счетом, не светит в жизни. Работы нет, жилья нет... В общем, нечего мне делать на земле. И точка. А ты поступай, как знаешь. Только я тебе в этом не помощник. Сам выгребайся, как сможешь.

– И на том спасибо. Ну, хоть дорогу-то к границе покажешь? Я один туда сметаюсь. На разведку.

– Да говорю же тебе, все это бесполезно. Не проскочишь

ты границу. Их там так обложили, что тебе и не снилось.

– И все-таки, я хотел бы сам в этом убедиться, – упорствовал я.

– Ладно. Я тебе объясню, сам найдешь. А я тебя здесь постараюсь прикрыть. Русалкам скажу, что развезло тебя, я домой отволок и спать уложил. Шпикив этих мелких, я думаю, сегодня уже не будет. Наберутся на радостях. Но ты все равно поторопись и, самое главное, будь осторожен. Пещеру мурены помнишь?

– Ну?

– По северу-югу ты здесь определиться не сможешь.

– Не смогу, – согласился я с ним.

– Значит, прямо за пещерой, если стоять к ней спиной, поворачиваешь налево градусов на восемьдесят. Увидишь большой валун, и все время держи курс на него. Только учти, что там небольшое подводное течение, плюс погрешность на загребание правой руки. Так, что через каждые десять метров подправляй курс, иначе тебя в сторону уведет. От валуна опять определишься с курсом. Так в этом направлении и плыви, понял? Ну, сам сообразишь как, уже не маленький.

– Ну, это я все понял. А как я узнаю, что уже доплыл до границы?

– Увидишь ее, – туманно объяснил Саидка. – Только смотри, сразу к границе не рыпайся, сначала затаись где-нибудь, осмотрись. А после границы – пулей на бега, чтобы у тебя алиби было. Вроде, как проспался и тоже решил поиграть,

понял?

– Понял, понял, – заторопился я.

Мне не терпелось попасть к Черномору. Нужно мне его алиби! И с чего это Саидка взял, что я обязательно вернусь?

– Умоляю тебя, Зю, будь осторожнее. Самое главное, остерегайся Черного осьминога. Не дай Бог тебе с ним встретиться.

– А это еще кто?

– Министр ПСБ.

– Министр чего? – не понял я.

– Подводной службы безопасности.

– Они и сюда добрались? – невольно вырвалось у меня.

– И медуз тоже остерегайся.

– Не маленький, знаю, что обожгусь... – нетерпеливо перебил я Саидку.

– Да при чем тут обожгусь? Это агенты Черного осьминога!

– Ну, вы тут даете! – Искренне удивился я.

– Государство – оно и в Африке государство. – Грустно вздохнул Саидка. – Ну, будь! Береги себя!

– Постараюсь.

И мы расплылись с ним в разные стороны.

Я сделал все, как сказал Саидка. За неимением компаса, я решил определиться хотя бы во времени. Мои часы, шедшие назад, показывали сейчас ровно восемь часов, а вот утра или вечера, не знаю. Ну и ладно. И я поплыл. От валуна, про ко-

торый говорил Саидка, я определил свой курс на скалу, и так и плыл, намечая себе все новые и новые маячки. Несмотря на то, что я очень торопился, я был очень внимателен. Около каждого маячка я замирал, и осматривал все окрестности. Если я замечал какую-нибудь стайку рыбешек, то делал вид, что очень заинтересованно разглядываю местную флору и фауну, или собираю планктон. Но ни Черный осьминог, ни его медузы в поле моего зрения не попадали. Несмотря на меры предосторожности, я плыл так, как не плавал, даже когда сдавал нормы в институте, и очень скоро устал. А границы все не было и не было. Как же я все-таки узнаю, что это уже граница? Не успел я про это подумать, как прямо по курсу у меня высветилась длинная сплошная, слегка шевелящаяся полоса. Я сразу, как и предупреждал Саидка, понял, что это и есть граница и машинально взглянул на часы. На них было без восьми минут семь. Значит, пятьдесят минут я сюда чапал. Я последовал Саидкиному совету, плавно залег за ближайший валун и начал осматриваться. В голове упорно засела песня «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки!» Очень актуально! Ну, посмотрим, что это за граница такая, которой меня так напугал Саидка.

Скопление динофлагеллатов и разных фосфоресцирующих рыбок, моллюсков и водорослей служило прожекторами, освещающими приграничную полосу. Под их люминесцентным светом я увидел такое скопище морских ежей, словно их согнали сюда со всего Мирового океана! Их бы-

ло так много, что невозможно было рассмотреть, что же там дальше – за ними. Они загораживали все видимое пространство, громоздясь друг на друге. Черные, ощетинившиеся длинными, дикобразными иголками клубки, в несколько слоев протянулись нескончаемой вереницей, сколько можно видеть глаз, образуя сплошную неприступную Китайскую стену, только живую. Куда нашим танковым заграждениям! Мысль о блиц-прорыве отпала как-то сама собой. Да-а-а, кажется, Саидка был прав. Ловить тут нечего. Может быть, попробовать их как-то отвлечь? Но, как и чем можно отвлечь такое количество ежей? Это же целая армия!

Тут какая-то маленькая глупая рыбешка, как заблудшая овечка, сунулась в гущу этой живой колючей проволоки. Что тут началось!!! Ежи злобно накинулись на нее, поднимая кучи песка и ила со дна морского. Образовалась невообразимая свалка, этакая колючая куча мала. Из-за поднятого песка и ила видимость стала почти нулевой, и я решился воспользоваться этим. Может быть, проскочу незамеченным? Я уже сгруппировался, приготовившись к марш-броску... Но тут из-за этой колючей свалки, едва различимой в мутной воде, градом посыпались молнии. О, е-мое! Оказывается, за ежами линию обороны удерживали еще и электрические скакаты, которые сейчас и применили свое оружие! Ничего себе демаркационная линия! А на помощь морским ежам и скакатам вдоль всей линии с обеих сторон уже неслись во весь опор молодые, здоровенные касатки. Целый боевой отряд!

Штук десять, не меньше с каждой стороны. Я просто-напросто влип в свой валун, не дыша... Вскоре появился и нечаянный нарушитель границы – маленькая глупая рыбешка всплыла из этой свалки вверх брюхом... Касатки еще некоторое время резво порыскали вдоль всей линии границы, но, убедившись, что тревога была ложной, куда-то уплыли. Я переждал на всякий случай еще минут пятнадцать, и тихо-тихо, ползком, по-крабьи пятясь назад, осторожно покинул опасную зону.

На обратном пути все было спокойно, если не считать, что, подплывая к пещере мурены, я заметил какую-то черную тень, мелькнувшую и скрывающуюся в проеме. Я не придал этому особого значения. «Наверное, старая мурена выползала за какой-нибудь своей надобностью, а сейчас вернулась», – легкомысленно подумал я. Мне было не до нее. Я был морально раздавлен, что моему плану не суждено было осуществиться. Но, зато теперь его спокойно можно исключить, и искать другой вариант. Вот только когда? Времени у меня оставалось все меньше и меньше... Кстати, что там у нас со временем? Меня не было где-то два с половиной часа. Как раз время, чтобы поспать. Ну, теперь можно и на ипподром.

* * *

Русалки шумно обрадовались моему появлению. В перерыве, пока морские коньки готовились к новому забегу, мы с Саидкой, вроде как по надобности, отплыли за небольшую

скалу.

– Ну, как сплавал? Никто не засек?

– Сплавал, – махнул я рукой. – Ты был прав. Сплошной облом с этой границей.

– Никто не засек? – переспросил Саидка.

– Да вроде бы нет. Все спокойно. Только вот . . ., – я не знал, стоит ли говорить ему про черную тень в пещере мурены.

– Что, что? – забеспокоился Саидка.

– Да, понимаешь, на обратном пути, в пещеру к мурене промелькнуло что-то черное. Я не успел разглядеть.

– Плохо. Теперь жди беды.

– Ты думаешь, что это был Черный осьминог?

– Думаю, что он.

– Подумаешь, скажу, что просто так плавал, окрестности осматривал.

– Тебя никто и спрашивать не станет. Одно то, что ты со стороны границы плыл – уже крамола. Ладно, чему быть – того не миновать. Я сейчас постараюсь отвести русалок во дворец, может быть, удастся там что-нибудь разузнать. А ты давай ко мне. Если что, я тебя предупрежу.

Но не так-то просто было увести азартных русалок с ипподрома! Они так умильно упрашивали Саидку, чтобы хоть еще один забег, потом еще, потом еще, что он не мог устоять. С другой стороны, я их отлично понимаю. Чем им еще здесь заниматься? Совершенно никаких мероприятий для молодежи: ни дискотек, ни театра, ни кино, ни телевизора на ху-

дой конец. С ума сойдешь со скуки!

На бегах мне сегодня явно не везло. Я проигрался в пух и прах, выложил весь выигранный вчера жемчуг, и даже уже хотел сделать ставку золотым ключиком, по принципу – а на фиг он мне вообще тут сдался! Но по моим мозгам вновь молнией полосонула какая-то смутная, недооформившаяся мысль, вернее, зародыш мысли, который каким-то образом был связан с моим спасением. «Нет, пусть полежит до лучших времен, – решил я, – а вдруг зачем-нибудь да пригодится?» Наконец, Саидке удалось уговорить русалок вернуться во дворец. А я, как мы с ним и договаривались, должен плыть в его грот. Пока все складывалось замечательно. Мне как раз необходимо побыть одному, чтобы найти, наконец, хоть какой-то выход из моего дурацкого положения, продумать, так сказать, программу-максимум. А пока меня ни на минуту не оставляли одного, лишая всякой возможности вольготно пораскинуть мозгами... Да еще и китовкой этой, как зельем, опаивали. Впрочем, чего уж тут душой кривить, я и сам от нее не отказывался.

Саидку, как компаньона побега, я уже напрочь отбросил. Он мне сегодня четко прописал свою жизненную программу. Значит, буду действовать в одиночку. И никому не доверять, как посоветовал он. Следовательно, и ему тоже. Ничего, и один в поле воин! Вообще-то, по всему было видно, что после моего посещения границы, Саидка сочувствует мне. А что? Он и сам когда-то побывал в этой шкуре. С той только

разницей, что его поймали, а меня пока нет. И то, если подумать, единственно благодаря его советам. Не предупреди он меня не лезть напролом через эту границу, сидел бы я сейчас не на ипподроме, а в какой-нибудь темнице под охраной акул. Может быть, он все-таки передумает? Я, честно говоря, не понимаю, что тут нормальному человеку может нравиться – сплошная сырость, и жрать нечего... Хотя, Восток – дело тонкое. Видно, это у них национальная особенность такая: тяга к многоженству, гаремам. Ну что ж, каждому свое.

Мне же теперь нужно только время и тишина, чтобы никто не мешал все тщательнейшим образом продумать. Верещащие и заигрывающие на все лады со мной русалки выбивали меня из колеи, и здорово поднадоели своими бесконечными вопросами и беспрестанным дерганием за рукава. У меня создалось впечатление, что это они специально постоянно заморачивали мне голову всякой ерундой.

– Слушай, Саидка, а как я в твой грот попаду?

– Ты что, дорогу не запомнил? – удивился он.

– Дорогу-то я помню. Но там же акула. Я боюсь, еще оттяпает полноги за здорово живешь. – Честно признался я.

– Не бойсь! Я только на ночь ее выпускаю, а то в последнее время крабы-домушники стали пошаливать – по домам шарятся. У меня, правда и тащить-то особенно нечего, но напугать, или цапнуть вполне могут. Плыви спокойно, я пока ее в сарай загнал. Приду – тогда и выпущу.

«Отлично! – подумал я. – Значит, можно будет спокойно

удрать из его грота, если что-то придумаю».

Русалки на прощанье обступили меня шумной толпой и начали уговаривать плыть с ними во дворец. Но я четко разъяснил им, что я – человек военный, у меня режим и всякое-такое... В общем, отвязался я от них и, наслаждаясь долгожданным одиночеством, поплыл в сторону Саидкиной пещеры, надеясь один на один с собой обдумать, наконец, свои проблемы. А думать было о чем! Времени, как я понимаю, мне оставалось все меньше и меньше.

* * *

Я сидел на «кровати» и бессмысленно крутил в руках золотой ключик. В голову ничего путного не лезло, кроме как – лезть вверх по водорослям. Но я сам понимал, что это нереально. Меня сто раз поймают, пока я буду лезть. И даже в том случае, если я выберусь по водорослям, мне придется бежать со скоростью не меньше 300 километров в час, чтобы можно было удержаться на поверхности моря, потому что доплыть хоть до какого-нибудь островка я не успею, учитывая, что за мной непременно будет организована погоня из акул. А у меня с бегом всегда была напряженка. Нет, не получится... Ничего другого в голову не лезло.

«Надо бы Тортилу найти, а то мучается старушка... – подумал я, в задумчивости разглядывая ключик. – Стоп!!! Вот она – постоянно улетающая от меня мысль! Для чего старуха ищет ключик? Насколько я помню, Тортила собиралась отдать его Буратино. А Буратино, где? А Буратино как

раз и находится где-то суше! Это как раз то, что мне и надо! Из всего этого следует, что Тортила для передачи ключика Буратино обязательно поплывет на берег. Не приплывет же Буратино за ключиком сам: он не тонет, да и, скорее всего, не знает, где Тортилу в настоящее время носит. Не будет же он ее по всему морю разыскивать. А вот она наверняка знает, где можно разыскать Буратино! У них, скорее всего, заранее должна быть где-то встреча назначена. Точно. Вот оно – мое спасение!» – Я невольно сжал золотой ключик в кулаке. – «Значит, мне нужно держаться поближе к этой старой черепахе. Ура! Самое главное есть! Пойдем дальше. Предположим, я отдаю ей ключик, а сам – тайком двигаюсь за ней, и она выводит меня к заданной цели... А сколько миль до этого самого берега и какая глубина, с которой мне нужно будет выбраться на берег? Черт его знает... Смогу я самостоятельно выбраться? Без батискафа, или, на худой конец, без акваланга?.. Не известно. На всякий случай нужно придумать какое-нибудь плавсредство. Но какое? Ни одной рыбине здесь, насколько я понял из Саидкиных рассказов, доверять нельзя – донесет. Это ничуть не лучше варианта с водорослями. Будем искать другой вариант.

А если попробовать по другому? Допустим, я предлагаю Тортиле бартер: я ей – ключик, она – вывозит меня на берег. Но вытянет ли она мои 70 с лишним килограмм, вот в чем вопрос. Второй вопрос – захочет ли она, вообще, пойти на подобное мероприятие? Да и как на ней ехать, если она

все же согласится? Верхом? Вряд ли я смогу удержаться на ней. Если только уцепиться за нее... Да за нее и не уцепишься – не за что. Если только за хвостик?.. А если она по пути захочет избавиться от меня, как от ненужного балласта? Затащит, скажем, хвостик в свой панцирь, а еще хуже того, если ей вдруг вздумается взбрыкнуть, как мустангу?.. Узду, разве, какую-нибудь придумать, да оседлать ее, как лошадь? Нет, так тоже опасно. Крик может поднять. Сплывется все Подводное государство. И пиши: пропало. Ни тебе ключика, ни берега. Да-а-а....

Нет, сила тут не поможет, тут другой подход требуется: нужно хитростью ее брать... Чем-то эту Тортилу надо заинтересовать так, чтобы она сама, добровольно, меня вытащила. А как это сделать? Чем можно заинтересовать черепаху на дне морском? Я понимаю, у нас там, наверху – есть деньги – нет проблем. А здесь? Жемчуг и кораллы ей пообещать? Они ей на фиг не нужны. Едой заманить? Она и сама ее здесь сколько хочешь найдет... Да я, если честно, и не знаю, чем черепахи питаются. Нет, добровольно она не пойдет на такое, дураков нет. Чем бы мне ее зацепить?..

Стоп! Начнем сначала. А для чего она вообще тащит ключик Буратино? Значит, есть у нее какой-то исключительный интерес в этом. Не будет же она искать его почти сто лет, только для того, чтобы просто так, за здорово живешь, отдать этот ключ какой-то деревянной кукле. Выходит, есть тут какая-то корысть для Тортилы. Только в чем? Скорее всего,

Буратино ей что-то наобещал за ключик. Горы золотые! Наверняка, у них какой-то свой баш-на баш в этом деле есть! Тогда я сделаю так: отдаю ей ключик, но только после того, как она доставляет меня на землю. То есть уже по прибытию на сушу. Отлично!!! А уж как она меня туда доставит – это ее проблемы. Не доставит – не получит ключика. Теперь мне остается одно: найти Тортилу. Далеко уйти она не могла, где-нибудь тут поблизости ошивается, тем более что я видел ее сегодня во дворце во время всеобщей гулянки. В крайнем случае, у рыбок поспрашиваю. Да, как же она меня все-таки поперет на себе?»

Мне почему-то стало искренне ее жаль. Я вообразил, как я, молодой и здоровый, взгромоздился на черепахе – такой старенькой и немощной, а она просто изнемогает от бессилия, плывет из последних сил, все реже и реже передвигая своими лапками, и вот уже кубарем вместе с моей тушей на спине идет ко дну... «Нет, так нам не выплыть... Стоп! Что-то промелькнуло в моем мозгу. Связано это было со словами «ко дну». Дно...дно...дно...днище... Думай, думай, Вовочка! Тебе именно для этого голова дана, а не только орехи ею колоть, как любила говорить моя мама, когда у меня не получалась задачка. Мама, мамочка, дно... Ага, вот оно!!! Есть зажигание! Прилипала!!!» И тут, наконец, в моей памяти четко восстановилось, то, что так упорно заставляла меня читать во сне мама. Я вспомнил это буквально дословно. Недаром все учителя говорили, что у меня уникальная па-

мать! «Охотники за черепахами часто используют рыб-прилипал для ловли больших морских черепах. Для этого они прочной леской обвязывают хвост прилипалы и выпускают ее в сторону черепахи, рыба прилипает к ее днищу и охотники вытаскивают их обоих за леску». Так, есть! Ай да Зю, ай да сукин сын! – похвалил я сам себя, чуть не бросившись в пляс от радости. – Ура!!! Нашел-таки!!! Значит, делаю так: привязываю прилипалу за хвост, прилепляю ее к днищу, то есть, к брюху черепахи, та плывет. За ней – в привязке – я, и по мере возможности помогаю ей. В два мотора у нас и скорость будет больше. Теперь осталось продумать, чем бы эту прилипалу привязать. Ремень не пойдет – широкий, жесткий и короткий. Ленточки от бескозырки стоились бы, но ее нет, я как был в рабочей пилотке, так и вылетел за борт «Перекопа». Водоросли!» Я выплыл из пещеры, попробовал ближайшие на крепость: хоть и с усилием, но все же порвал. Нет, боюсь, не подойдут. Хлипковаты, не выдержат. Остается одно – резинка от трусов, если ее еще плотно обвязать для надежности водорослями. Надо действовать! Времени у меня оставалось совсем мало. Судя по часам, в моем распоряжении – один день, потому что плюхнулся я в море 13-го, а сейчас на моих, назад шагающих, уже 11 июня. Выходит, завтра – последний день, выделенный Нептуном на мои раздумья. А кто знает, что им завтра взбредет в голову, опять найдут повод для пьянки, и день, последний! опять будет потеряян. Значит, надо действовать безотлагательно. Я стащил

с себя штаны и трусы и попытался порвать резинку – не тут-то было. Попытался перегрызть зубами, тоже никакого эффекта. Надо найти краба! Я увидел шатающегося без дела по дну маленького крабенка.

– Слышь, пацан, сделай доброе дело, перекуси веревочку, – попросил я его.

– А что мне за это будет?

Ну, и наглая молодежь пошла! На земле в таком случае я дал бы пару сигарет, а тут и не знаю, что ему можно дать.

– А чего ты хочешь?

– Анемона отдери со спины, тогда перекушу.

– Всего-то? – удивился я.

Хотя чему удивляться – рук-то у них нет, чтобы самому отодрать анемона, русалок просить об этом неловко: как никак царские дочки, а Саидки одного на всех крабов не хватает, вот и ползают по дну морскому с этими зайцами-пассажирами на спинах. Я быстренько отодрал от него анемона, крабенок перекусил мне резинку, и стреканул от меня, облегченный и счастливый. Я вытащил резинку, а трусы сунул в карман, чтобы при случае было чем отчитаться перед старшиной роты, что не разбазариваю государственное имущество. Потом занялся делом: взял кучу водорослей, которые для чего-то собрал в углу припасливый Саидка. Может быть, это у него просто запасное постельное белье? И начал оплетать ими резинку, одновременно вытягивая ее, как только можно, чтобы получилось длиннее. Получился не очень тол-

стый, но довольно прочный канат. Я обвязал его вокруг себя, как пояс. Остался еще не очень длинный конец. Нормально, вполне хватает для петли, чтобы заарканить им хвост прилипалы. Конечно, можно было бы чуточку подлиннее, но, увы!.. Придется довольствоваться тем, что имеем.

И тут ко мне в грот шумной, галдящей гурьбой повалили русалки. Они были явно чем-то взбудоражены. Все, перебывая друг друга чего-то пытались добиться от меня... Грот был небольшой, а их так много, что скоро они заполнили все его пространство, окружив меня плотной и шумной стеной. Они устроили настоящий сыр-бор! Кто просил, кто умолял, кто требовал чего-то, и все беспрестанно дергали меня за рукава (чего им всем далась моя фланка?). В общем гвалте я едва различил некоторые вопросы:

- Где, где он?..
- Ну, зачем ты его взял?..
- Зю, миленький, отдай ты его...
- Не гневи батюшку...

Честно говоря, я не понял ровным счетом ничего из этого хора голосов. И еще не понимая что, собственно, я натворил, и чего им всем от меня надо, здорово струхнул. Первой моей мыслью было: гребешок наябедничал, что я у него ключик отнял. Ну, если заберут ключик – все, мне кранты! Это была моя последняя надежда на спасение. И я решил ни в чем не сознаваться и не сдаваться до конца. А лучшая защита – это, как всем известно, нападение. И я показал им, что такое

настоящий, хорошо поставленный командирский голос:

– Смиррррна! – Заорал я так, что если бы в Саидкином гроте был потолок, то непременно бы вся штукатурка сейчас бы рухнула на головы русалок. Но, к сожалению, этого не произошло по техническим причинам. Зато русалки просто остолбенели, в прямом смысле слова. Совсем, как в детской игре «Замри на месте». Вот что значит могучая сила слова!

– Отставить ррразговорчики в строю! – не давая им опомниться, орал я. – Выровнять шеренгу! (Эту команду они явно не поняли.) Докладывать по одному! Ты! – я ткнул пальцем в первую попавшуюся русалку. – Доложить обстановку по форме!

Тут они, видно, сообразили, что уже можно говорить, и опять все дружно загалдели, опасно сужая свой круг.

– Молча-а-ать!!!

Не знаю, сколько бы я смог удерживать оборону, но тут, к счастью, из-за стены русалок раздался просто сахарный Саидкин голос:

– Так, девочки, девочки, всем быстренько на выход! Не волнуйтесь, сейчас мы все вопросы решим. Только подождите меня на улице...

И русалки послушно, одна за другой стали выныривать из грота. И как он только справляется с ними!

– Лаской, лаской их надо брать, – словно отвечая на мои мысли, посоветовал мне Саидка.

– Слушай, Саидка, в чем дело?

– Беда, Зю! Слушай, и не перебивай! У Нептуна пропал трезубец. Подозревают тебя в похищении...

– А на фига козе баян? – вытаращил я на него глаза.

– Ты что, не понимаешь? Трезубец – это же власть! Тебя обвиняют в дворцовом перевороте...

– Шутишь?..

– Нет. Это, скорее всего – дело рук Черного осьминога. Я видел, как он из дворца выплыл. Что-то Нептун задумал, не иначе. Он даже дочек своих велел до себя не допускать.

– Что, и их подозревает в соучастии?

– Нет, просто боится, что они могут его разжалобить.

Но, что задумал Нептун, мы с Саидкой не успели обдумать, так как в это время вдруг замолкли голоса русалок «на улице», и в тот же миг в грот влетели две страшные зубастые акулы.

– Это за тобой... – успел шепнуть мне Саидка.

– Молчать! Никаких разговоров с подследственным! – клацнула одна из них зубами.

– Посторонних на время обыска попрошу освободить помещение. – В унисон ей рявкнула вторая.

– Я вообще-то живу здесь, – попытался возразить ей Саидка. Но акула так наподдала ему мордой под зад, что он кубарем вылетел из пещеры.

– Поговори еще мне! – вслед ему грозно прошипела она.

И они обе принялись шнырять по всему гроту, переворачивая вверх дном постель, валуны, которые служили столом

и стульями, кучи водорослей в углу, припасенных Саидкой. Не найдя ничего крамольного, одна из них приказала:

– Гражданин Зю, с вещами – на выход!

Я выплыл. Оказывается, снаружи меня поджидали еще две акулы. Так мы и поплыли во дворец: одна акула впереди меня, одна – сзади, и по одной с каждого бока. Перед конвоированием одна из них предупредила меня:

– Шаг влево, шаг вправо – считается побег! Разорвем на месте! Без предупреждения!

Следом за нами уныло плыли примолкшие и напуганные русалки. Замыкал шествие Саидка.

* * *

Акулы отконвоировали меня прямым ходом в тронный зал, где в ожидании одиноко и грозно восседал на троне сам Нептун-батюшка. Он был мрачнее штормового моря. По его мрачно-потемневшему лицу, казалось, просверкивали молнии: это его глаза горели адским огнем. Да, страшен Владыка во гневе!

Русалок с Саидкой во дворец не пустили. Они еще долго мелькали под окнами – незаделанными щелями между валунами, из которых воздвигнут дворец, пытаюсь заглянуть в тронный зал, но их постоянно отгоняли мордатые акулы. Из чего я сделал вывод: дворец охраняют со всех сторон, и мне отсюда не выбраться. Обложили!

– Ну, курсант, – грозно зарокотал Владыка на весь зал. От вчерашнего добродушного и пьяненького бородача не оста-

лось и духу. – Сам его мне отдашь, или как?

– А чего отдать-то, Владыка? – сделал я наивное лицо, решив не выдавать Саидку.

– А ты, будто, не знаешь? – усмехнулся Нептун. Видать, не поверил.

– Никак нет! – четко отрапортовал я.

– Трезубец мой! – заорал Нептун.

– Да что вы, Владыка, я ни сном, ни духом... – начал выкручиваться я.

– Не отпирайся, Зю! Мне верные слуги доложили, что видели, как ты его из дворца тащил. Место мое решил занять?! – взревел Владыка от ярости.

– Да что вы, батюшка-Владыка, мне и в голову такое не пришло бы никогда. Я и в Военные министры не очень-то желаю, а тут Владыкой! Нет, нет, я на такое не пошел бы ни за какие деньги! Да и трезубец ваш мне не под силу будет даже поднять, не то, что утащить...

– Вот ты и попался, Зю! Откуда тебе ведомо, что он тяжел? Значит, в руках его держал?

– Так кто ж не знает этого? Это же элементарно: золото – очень тяжелый металл, а в таком количестве, сколько его в трезубце было...

– Что ж, убедительно говоришь. Только, все же курсант, думаю, что все равно ты врешь. Не верю я тебе.

– Да почему же, Владыка?

– А потому. Про то, что ты его спер, мне надежные, годами

проверенные морские обитатели донесли, а ты – пришлый здесь человек, без году неделя. Так кому я больше поверю, а? Может, тебя сюда кто-то специально заслал, чтобы меня с трона свалить и переворот в нашем государстве устроить?!

– Да кому же это надо, Владыка?

– Есть такие, – туманно пожаловался Нептун. – Всеми правдами и неправдами норовят меня подсадить.

«На Черномора, надо думать, намекает», – догадался я.

– А тебя к тому же видели, как ты недалеко от границы вертелся. Что ты там делал? – подозрительно оглядывая меня, спросил Нептун.

– Какая граница?! Я просто, плавал, знакомился с окружающей обстановкой, местной флорой и фауной, ну и... заблудился малость. Я же не знал, что у вас где-то граница есть... – выкручивался я, как мог. – А Вы, извиняюсь, Владыка, сами не помните случайно, когда последний раз трезубец в руках держали? – вежливо поинтересовался я, стараясь не разгневать понемногу спускавшего пар Нептуна и увести его от опасной темы.

Вообще-то, я прекрасно помнил, как пьяный Владыка уползал из тронного зала. А Саидка собирал разбросанные корону и трезубец, и с ними проводил его в опочивальню. Я надеялся, что, может быть, Владыка хоть что-нибудь вспомнит, что там, в опочивальне было дальше.

– Когда?.. Так... сейчас-сейчас... А, вот как сейчас помню: на пир, Лингвастрочку, значит, обмывать, я пришел как

и положено: при полном параде... Потом, значит, мы гуляли, гуляли, гуляли, значит... – мучительно пытался восстановить ход событий Нептун. – Проснулся – трезубца нет!

Нет, не вспомнил. Эх, с Саидкой бы сейчас переговорить, куда он его сунул. Может быть, валяется себе спокойненько где-нибудь под кроватью, а они тут панику подняли.

– А покои свои осматривали?

– Спрашиваешь! Весь дворец вверх дном перевернули – как в воду канул!

– А Саидку не опрашивали? Может быть, он что знает? – осторожно поинтересовался я.

– Как же не спрашивал? Спрашивал, конечно. Говорит, что в покои отнес, и как обычно, около ложа моего оставил.

Видя, что Владыка немного поостыл, и уже готов сменить гнев на милость, я рискнул спросить:

– Кто же все-таки Вам сказал, Владыка, что я трезубец из дворца увел?

Лучше бы я этого не спрашивал.

– Кто, кто? Кит в пальто!.. Черный осьминог – начальник моей сыскной службы. Вот кто! Что же он меня в заблуждение вводит будет, по-твоему? Ему не верить никак нельзя. Вот ты лучше скажи мне, Зю, зачем ты к границе плавал? К Черномору решил переметнуться? Или тоже отпираться станешь? – снова, набычился Нептун. – А может быть, это для него ты мой трезубец приготовил?

«Так, все-таки, в пещерке-то не мурена была» – сообразил

я.

– Нет, Владыка, не буду отпираться. Плавал к границе. – Честно сознался я.

– Ну, и зачем тебя туда понесло? Признавайся уже во всем, колись, как у вас говорят. Не трезубец ли мой Черномору толкнул в обмен на свою свободу? Тут, Зю, все против тебя складывается: сначала тебя видели, как ты из дворца трезубец волок, а чуть позже – как ты от границы возвращался. И заметь, возвращался-то с пустыми руками. Черномора ублажить захотел? Чем он тебя обольстил? – опять начал гневаться Нептун. – Отвечай, быстро!

– Я и в глаза Черномора не видел, батюшка! Ты сам рассуди, стоял бы я сейчас перед тобой, если бы до него смог добраться?

– Что ж, тоже верно. Только, вдруг вы какую-нибудь каверзу с ним успели задумать? Вот и не знаешь, чего тут с минуты на минуту ожидать приходится.

– Что вы, Владыка! И в мыслях у меня ничего такого не было! Просто хотел в окружающей обстановке сориентироваться...

– В обстановке, говоришь, сориентироваться? Это с какой же целью? Чтобы деру дать при случае? А вот тебе – свободу! – и он вытянул в мою сторону огромный кукиш и еще пошевелил большим пальцем, торчащим из смачного кулака. – Вот как тебе после всего этого верить прикажешь?

– Слово офицера даю – не брал я вашего трезубца. – Твер-

до и с достоинством отрапортовал я. – Можете хоть свое «или как» ко мне применить.

– Не понял? – в удивлении возрился на меня Владыка.

– Ну, Вы же сами сказали: «Сам отдашь, или как?»

– А, ты про это? Да, можно было бы «или как» применить.

Только опасаясь я, не выдержишь ты этого самого «или как». У нас пытки, пожалуй, пострашнее будут, чем у вас. Если тебя дельфины до смерти не зачекотят, так скаты уж точно добьют... А ну, как все же ошибка вышла, оговорили тебя, лихоимцы? Политика, она ведь и под водой – грязное дело! Сплошные интриги и коварство!... А мне, честно говоря, не хотелось бы такого Военного министра терять. В кои-то веки настоящий военный человек попался... – загрустил Нептун и надолго замолчал в раздумье, склонив волосатую голову на лапищу, напоминавшую кувалду. Совсем как Сократ.

В тягостном молчании мы провели минут десять. Меня уже начало пошатывать: тяжело все-таки стоять по стойке смирно в воде, когда, наконец, Владыка вздохнул и изрек философски:

– Да, все наши беды из-за пьянки! Надо завязывать пить...

Ладно, на сегодня такое мое решение будет: разбираться во всей этой истории буду лично и достаканально! Теперь же, что касается тебя Зю. На все время следствия безотлучно будешь находиться во дворце. И чтобы никаких контактов ни с кем, понял?

– Домашний арест? – догадался я.

– Как есть, самый настоящий арест. Пока я во всем этом не разберусь самолично.

Он хлопнул в ладоши, что имело эффект разорвавшейся бомбы, и на его зов приплыла смешная, уродливая и угодливая рыба каракатица. Я ее сначала и не заметил: так ловко она замаскировалась под окружающую обстановку.

– Проводить арестанта в чулан. И чтобы глаз с него не спускать!

* * *

Чуланом на самом деле оказалась глубокая морская расщелина, в углу которой валялась куча водорослей. Я с удовольствием растянулся на ней. «Ну, теперь у меня будет достаточно времени для раздумий. – С горечью подумал я. – Ну, с границей, мне все понятно. Черный осьминог меня вычислил и заложил. А вот кто мог меня оговорить с этим проклятым трезубцем? Кому это надо? И зачем?». Ответов на мои вопросы я не находил. И я начал продумывать программу-минимум: как мне выбраться хотя бы из этого чулана. Так ничего и не придумав, я задремал. Сколько я спал – не знаю. Разбудили меня какие-то голоса сверху.

– Простите, не велено... – смущенно бормотал один голос.

«Каракатица», – сообразил я.

– Что такое?! – возмутился второй голос, явно женский. – «Наверное, какая-нибудь русалочка прорвалась на подмогу», – подумал я.

– Ты с кем разговариваешь!!! Забываешься, дорогуша!

«Во, дает! Что значит, царская кровь!» – прислушивался я к назревавшему скандальчику.

– Никак нет! Только Владыка не разрешил... – мямлила каракатица.

– Я тебе покажу Владыка! А я тебе кто? Хвост акулий?!
А ну, пшшла вон отсюда! И чтобы мои глаза тебя в упор не видели!

Сразу вслед за этим моя яма-нора осветилась приятным дневным светом: ко мне в темницу нырнула сама Золотая рыба! «Что это ее принесло? – недобро подумал я. – Начнет еще опять приставать, беды не оберешься. Без нее тут забот хватает».

– Здравствуй, дружочек! Здравствуй, Зю, дорогой, – фамильярно прощebetала она, увидев меня, возлежащего на куче водорослей.

– Здравия желаю! – вскочил я и вытянулся по стойке смирно.

«Только бы не допустить никаких вольностей», – подумалось мне.

– Ну, что ты вскочил, как медузой ошпаренный? Успокойся, я к тебе без официоза, чисто по-дружески. Есть у меня к тебе разговор серьезный.

– Я Вас слушаю. – Продолжал я стоять навтыяжку.

– Фу, какой плохой мальчик! – капризно сморщила носик Владычица.

– Виноват, Госпожа Владычица морская! – отрапортовал я.

– Ладно, вижу – не хочешь ты меня понимать. – Недовольно проговорила она. – Ну, хорошо, поплыли ко мне. Поговорим в другой обстановке.

– Но я под арестом. Владыка не разрешает мне ни с кем контактировать. – Начал я отнекиваться.

– И ты туда же? Вы что, все сговорились? Перечить мне – Владычице Морской?! А ну, быстренько за мной! – И она, вильнув хвостом, выплыла из чулана. Мне ничего другого не оставалось, как проследовать за ней. Я был как между двух огней. Один одно командует, другая – другое. Кого тут слушать? Кто из них главнее? Вообще-то, если верить поговорке, что у каждого полковника жена – генерал, то выходило, что Золотая рыбка. В конце концов, не могу же я ее послушаться. Еще превратит в кого-нибудь... А, если что, объясню Нептуну, что я не по своей воле, пусть сами разбираются между собой...

Каракатица, успевшая замаскироваться от гнева Владычицы под камень, проследовала, было за нами, но Владычица, заметив ее, так злобно шикнула на нее: «Я же сказала, пшшла вон!», что той и след простыл. А может, опять подо что-то замаскировалась...

По бесконечному лабиринту коридоров и залов Золотая рыба привела меня в свою опочивальню. Это я понял по тому, что в середине огромного зала возвышалось огромное

царское ложе. Именно таким я его и представлял. Оно все было буквально завалено какими-то особыми, пушистыми водорослями. Стена напротив изножья была украшена мозаикой из переливающегося перламутра – такая своеобразная зеркальная стена. Пластинки перламутра были так искусно подогнаны друг к другу, что создавалось впечатление, что это огромное, монолитное зеркало. Рядом с ложем, с той стороны, где, по всей видимости, опочивала Владычица, стояла детская колыбелька из пустого черепашьего панциря. Судя по его размерам, бывшая его владелица прожила не одно столетие. В этой люльке свободно мог бы разместиться и я, если поджать ноги. А сейчас там спала и сладко сосала пальчик маленькая Линд..., Лист..., Лягв..., Ну, в общем, последняя русалочка. Если бы не ее хвостик, умильно выглядывавший из водорослей, можно было подумать, что это спит обыкновенная девочка. Она была премиленькой: ее белые, не успевшие отрасти, кудрявые волосики обрамляли ангельски умильную мордашку. Ну, просто очаровательный пупс из рекламы памперсов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.